

ИЗДАНИЕ
НОВОЕ И
ПЕРЕРАБОТАННОЕ

Эрнст Мулдашев

МАТРИЦА ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Найдено место, где Высший Разум
создавал человека

Эрнст Мулдашев

Матрица жизни на Земле

«Читающий человек»

2004

УДК 133
ББК 86.42

Мулдашев Э. Р.

Матрица жизни на Земле / Э. Р. Мулдашев — «Читающий человек», 2004

ISBN 978-5-9907972-3-9

Автор книги – всемирно известный офтальмолог и исследователь Э. Р. Мулдашев продолжает рассказывать о своей научной экспедиции в поисках легендарного Города Богов. То, что удалось найти его экспедиции на Тибете, не поддается обычным научным трактовкам. И вдруг ученые обнаруживают, что созданная ими карта-схема Города Богов очень похожа на... пространственную структуру ДНК. В конце концов, ученые приходят к выводу, что на Тибете им удалось найти место, где Высший Разум создавал человека, но... Нового Человека. 1-е издание, дополненное.

УДК 133
ББК 86.42

ISBN 978-5-9907972-3-9

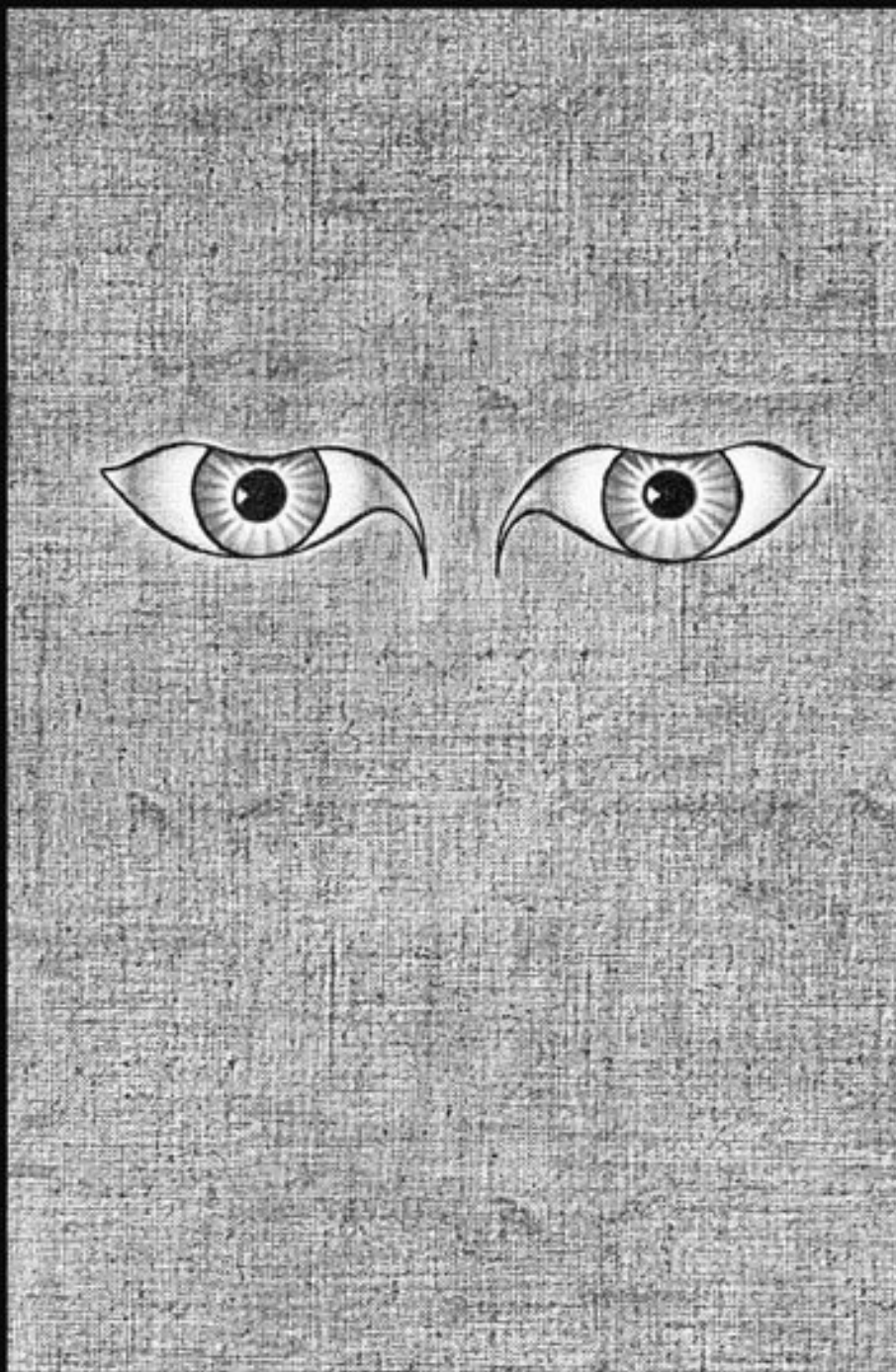
© Мулдашев Э. Р., 2004
© Читающий человек, 2004

Содержание

Мулдашев Эрнст Рифгатович	9
Предисловие к книге, написанное в 2015 году	11
Глава 1	13
Оксана Савельева	17
Что чувствовал Юрий Иванович Васильев во время завязки?	20
Альфия	28
Штопор	31
Светлана	35
Андрей Дмитриевич Князев и Инна Баутина	38
Татьяна	42
Прозраченькая австриячка	45
Какие они, Другие Миры?	55
Снежана	64
Оксана Вакула	69
Благородная покорность	75
Треугольный Израиль	83
Четыре стороны пирамиды	94
Сколько цветов у радуги?	98
Что рассказал Юрию Ивановичу чувашский исследователь	101
Два раза по четыре	103
Загадка бродит вокруг нас	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

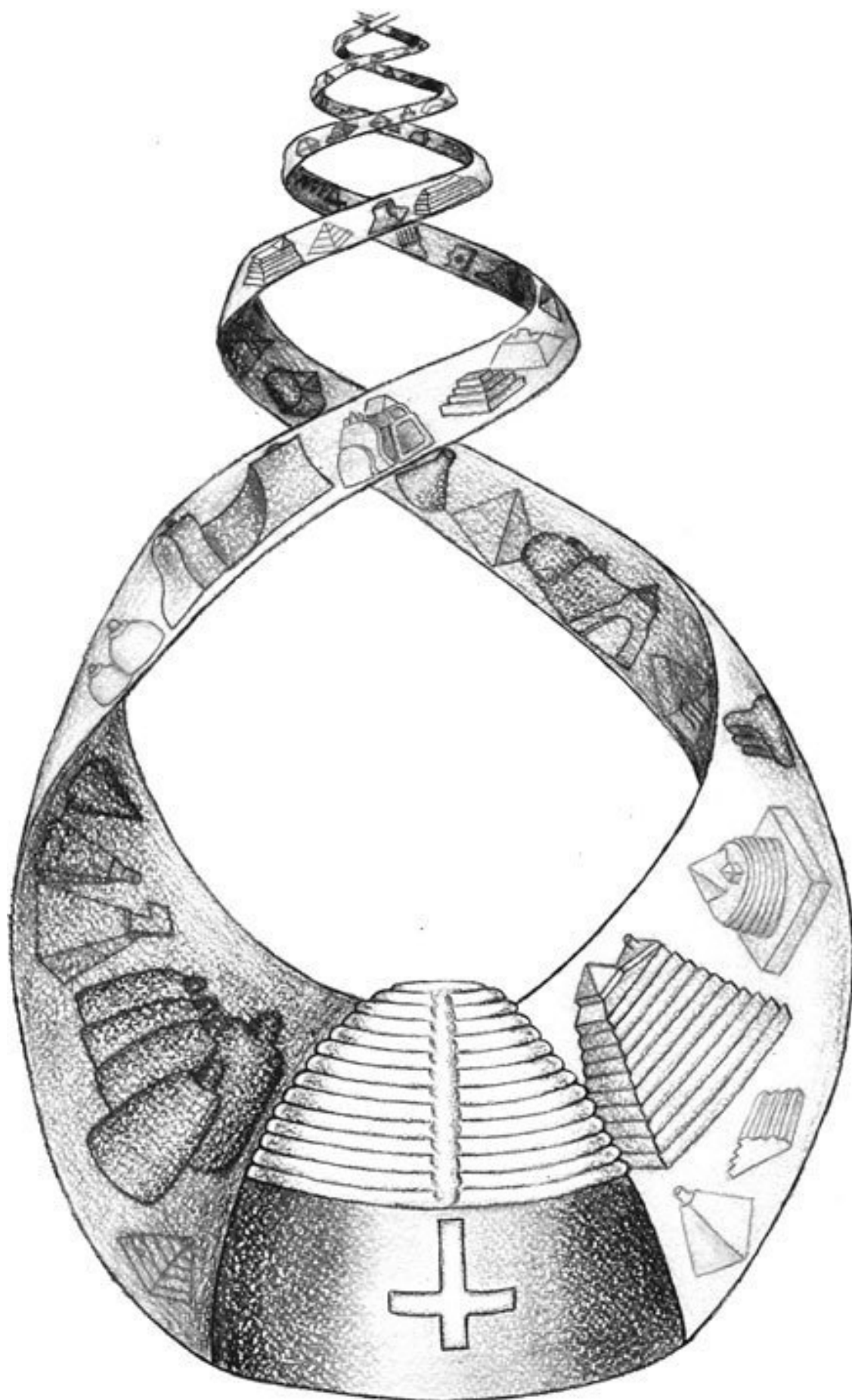
Эрнст Мулдашев

Матрица жизни на Земле

**Многие люди приходят - смотрят, смотрят...
Некоторые люди приходят - видят...**

Книга иллюстрирована рисунками автора

© Э. Мулдашев, 2004

© ООО Издательство «Читающий человек», 2016

Мулдашев Эрнст Рифгатович

Доктор медицинских наук, профессор, генеральный директор Всероссийского центра глазной и пластической хирургии Минздрава РФ, заслуженный врач России, лауреат премии «За выдающиеся заслуги перед отечественным здравоохранением», хирург высшей категории, почетный консультант Луисвильского Университета (США), член Американской академии офтальмологии, дипломированный офтальмолог Мексики, мастер спорта, трехкратный чемпион СССР по спортивному туризму.

Э. Р. Мулдашев – крупный российский ученый с мировым именем. Он является изобретателем биоматериала «Аллоплант», который стал основой нового направления в медицине – регенеративной хирургии, т. е. хирургии по «выращиванию» человеческих тканей.

Ученым разработано более 150 видов новых операций, изобретено более 100 видов «Аллопланта», опубликовано свыше 400 научных работ, получено 58 патентов России, США, Франции, Германии, Италии и Швейцарии. Разработки ученого внедрены более чем в 600 клиниках России и других стран. С лекциями и операциями он побывал в 54 странах мира. Ежегодно проводит до 800 сложнейших операций. Им успешно произведена первая в мире трансплантация глаза.

Э. Р. Мулдашев признает, что до сих пор не может понять суть своего главного изобретения – биоматериала «Аллоплант», который стимулирует регенерацию человеческих тканей. Понимая, что «Аллоплант», изготовленный из тканей умерших людей, несет в себе глубинные природные механизмы по созданию человеческого тела, Э. Р. Мулдашев в процессе исследований не только сотрудничает с учеными разного толка, но и обращается к основам древних знаний.

Именно для этого им были организованы научные экспедиции в Гималаи, Тибет, Индию, Сирию, Ливан, Египет, Монголию, Бурятию, Трансильванию, Великобританию и Ирландию, острова Пасхи, Крит и Мальта, которые не только углубили понимание проблем медицины, но и позволили по-иному взглянуть на загадки мироздания и антропогенеза. Им написано 12 книг, которые переведены на многие языки мира и во многих странах стали бестселлерами.

*Р. Т. Нигматуллин,
доктор медицинских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

Предисловие к книге, написанное в 2015 году

Скажу я вам, дорогой читатель, что в свое время я написал предисловие к этой книге очень большим. Оно издавалось в виде отдельного тома под названием «Предисловие к книге Матрица жизни на Земле». Суть такого необычного предисловия состояла в том, что мне хотелось прочертить линию Любви в обычной и, я бы даже сказал, банальной жизни, в которой все так серо, так серо, аж жуть. Я хотел через жизненные перипетии показать главенствующую роль Любви в нашей жизни, понимая, что Матрица была запущена силой Божьего Пятого Элемента, называемого Любовью. Но мне кажется эта задумка не удалась: все как-то рассыпалось в деталях, а главной сути я так и не поймал.

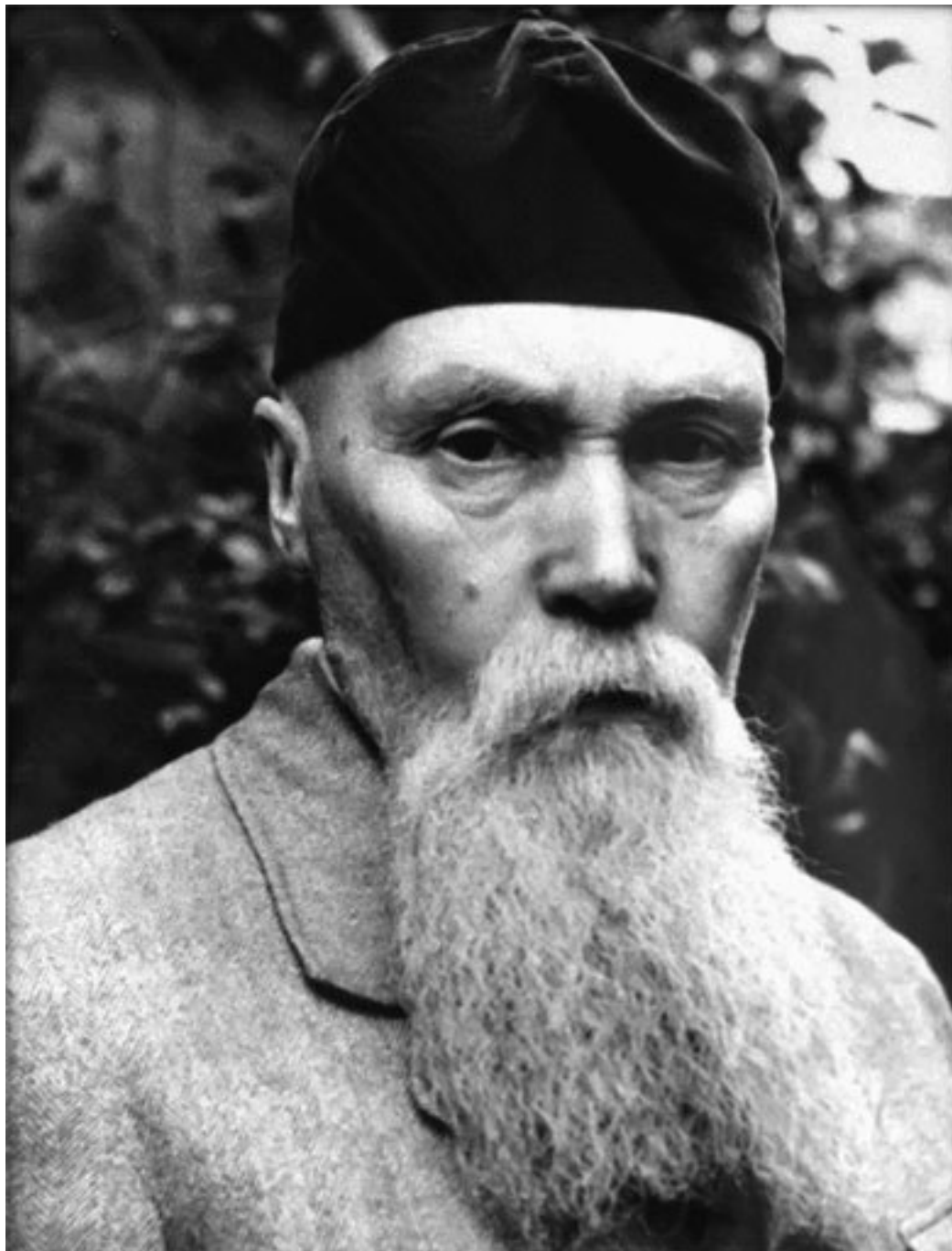
И только сейчас, через много лет, я осознал, что нельзя сопоставлять созидательную мощь Божьей Любви с теми отголосками Любви, которые еще, к счастью, тлеют в нашем обществе. Да, мы постоянно боремся с Дьяволом, ужасную роль которого я осознал во время английской экспедиции 2014 года, но мы не должны тлеть, поскольку воистину Любовь созидала нас. Именно этому посвящены мои размышления, изложенные в книге. Именно Божья мощь проходит здесь красной нитью, сравниться с которой нам не просто трудно, но и невозможно. Именно поэтому я смотрю на мою предыдущую попытку сопоставить человеческую любовь с Божьей Любовью как на неудачу. Это несопоставимо.

Тем не менее, я хочу сказать, что даже попытка осознать созидательный Божий замысел уже дала много научных плодов, которые вылились в новые методы лечения больных людей... например, реальная морфологическая находка «третьего глаза» и разработка способа его «разжигания», когда люди без глаз стали ориентироваться в пространстве и даже читать крупные буквы.

По ходу этой книги, написанной в 2004–2005 годах, я буду делать вставки сегодняшнего дня, то есть высказывать свое мнение с точки зрения 2015 года. Мне думается, за прошедшие годы я немного поумнел, поэтому, эти вставки будут любопытны. Они будут введены в ажурную рамку и озаглавлены моими инициалами. «Э. М.».

Э. М. _____

Вообще-то, эта книга сложенькая. Но... не все же бывает простым... тем более созидание жизни на Земле.

Посвящается памяти Николая Константиновича Рериха

Глава 1

Почему мы решили делать карту-схему Города Богов

Когда после тяжелого операционного дня я вошел в свой кабинет, то застал там моего друга – Юрия Ивановича Васильева, который рассматривал глобус.

Юрий Иванович Васильев с глобусом

– Привет, Юрий Иванович! – сказал я.

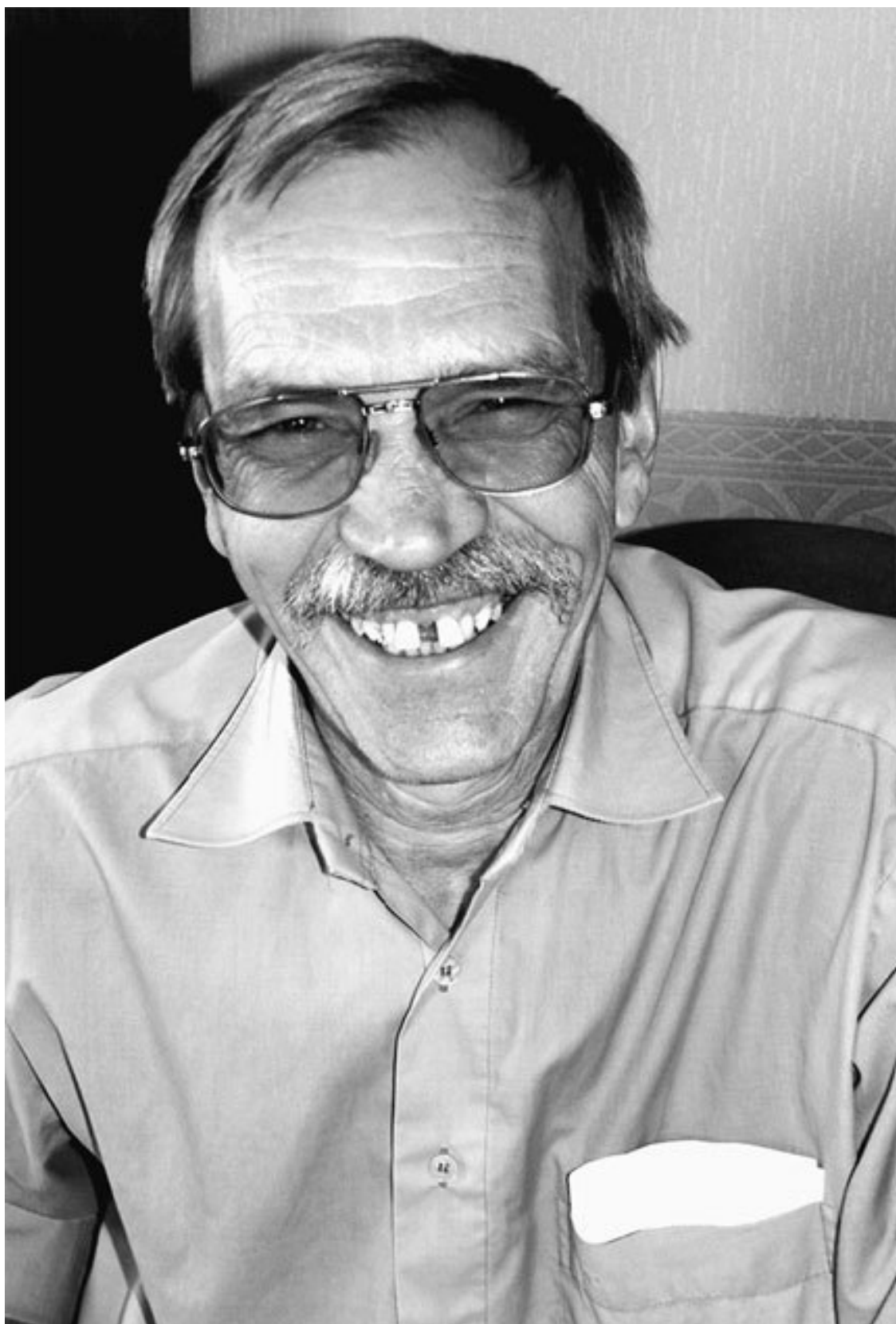
– Привет! – ответил он.

– Что там рассматриваешь, на глобусе-то? – спросил я.

– Да тут, понимаешь, шеф, я кое-какие мысли с глобуса надыбал, – Юрий Иванович прищурил глаза. – Садись, расскажу!

– Юрий Иванович! – взмолился я. – Я пять часов в операционной оттрубил, на износ, как самая последняя сволочь, пахал. Дай хоть в туалет схожу, рюмку водки выпью, да и сигарету выкурю.

– Ну, иди давай! Чувствую, невтерпеж тебе.

Юрий Иванович Васильев без глобуса

Глобус без Юрия Ивановича Васильева

Когда я вышел из туалета, Юрий Иванович спросил:

– Кого сегодня оперировал-то?

– Иностранный день сегодня был, Юра. Двух арабов под общим наркозом прооперировал (сам понимаешь – арабы боли не терпят), трем терпеливым корейцам узкие глаза ремонтировал, но заплюхался на одной австрийской старушке...

– Той самой, которая прозраченькая, что ли?

– Какая такая прозрачная?

– Ну та, которая до такой степени старая, что тело у нее начало рассасываться и бестелесный дух стал проступать, – Юрий Иванович слегка улыбнулся.

– Во-во, она! – сказал я. – Но, когда я разрезал ее глаз, кровь у нее из глаза текла, Юрий Иванович, точно текла! Да так текла, что я еле справился.

– Экспульс что ли был? – перебил меня эрудированный в вопросах глазной хирургии инженер Васильев. – То есть от перепада давления, когда ты, шеф, внутрь глаза врезался, артерия самопроизвольно порвалась и начала кровью содержащее глаза из раны выдавливать... Так, что ли, было?

Оксана Савельева

– Так, Юрий Иванович, так. Сам знаешь, что во время экспульса хирургу дается 5–6 секунд, чтобы справиться с кровотечением. Да еще, как назло, все под левую руку попало... то есть я все должен был левой рукой сделать! Ох, и перенервничал я, Юра! Но совладал с собой, смог операцию завершить. Оксанка, молодец, с ходу сообразила, и шов под левую руку пододвинула! Не потерял я драгоценных секунд!

– Золото у тебя – Оксанка-то! Операционная сестра от Бога! Глаза у нее, скажу тебе, шеф, умные, как у депутата парламента; только взглянет, так умом сразу и обдаст, не то что некоторые врачи и... профессора.

– М-да, – проговорил я, сообразив, что я ведь тоже профессор.

– Не зря ты ей, Оксанке-то, диплом на базаре покупал, когда она при своей талантливости санитаркой служила. – Юрий Иванович задумался. – У беспредела, который при Ельцине процветал, тоже свои положительные стороны были, – разве можно сейчас, при Путине-то, диплом на базаре купить? Тут же КГБ заметет, потому что даже китаец, торгующий на рынке сетями для браконьеров, кэгэбэшником является. Повезло Оксанке-то... с Ельциным! А сейчас ведь надежнее медсестры во всем центре нету – хоть под правую руку подаст нитку для шва, хоть под левую. Безразлично ей, главное – угадать, в какую руку сунуть тебе нитку-то, шеф! А она, Оксанка-то, угадывает всегда, потому как интеллектом хирургическим обладает и за операцией по монитору следит, который я, кстати, настраиваю, а не заглядывает в рану сбоку, рискуя туда носом вмазаться!

Моя операционная сестра Оксана Савельева

Э. М.: Сейчас мы живем в период борьбы с коррупцией, которая стала оправданием возвеличивания чиновника как властителя душ. И именно сейчас какие-то блеклые личности, которых в народе называют мымрами, стали подгонять таланты под бумажные стандарты, забыв, что, например, в

хирургии не бумажки решают все. Такое ощущение, что все блеклости пошли в чиновники, чтобы по дьявольскому душевному позыву глушить таланты. Поэтому... может быть... при Ельцине было даже лучше. Мыр было меньше.

– Оксанка и в самом деле очень талантлива, – подтвердил я. – Рюмочку-то, Юрий Иванович, выпьешь... водки?

Что чувствовал Юрий Иванович Васильев во время завязки?

– А чо нет-то, шеф?! Я ведь целых пять лет в завязке был. Ох, и терпел, шеф, терпел! Но не зря терпел, не зря! Зато пить сейчас могу по-человечески.

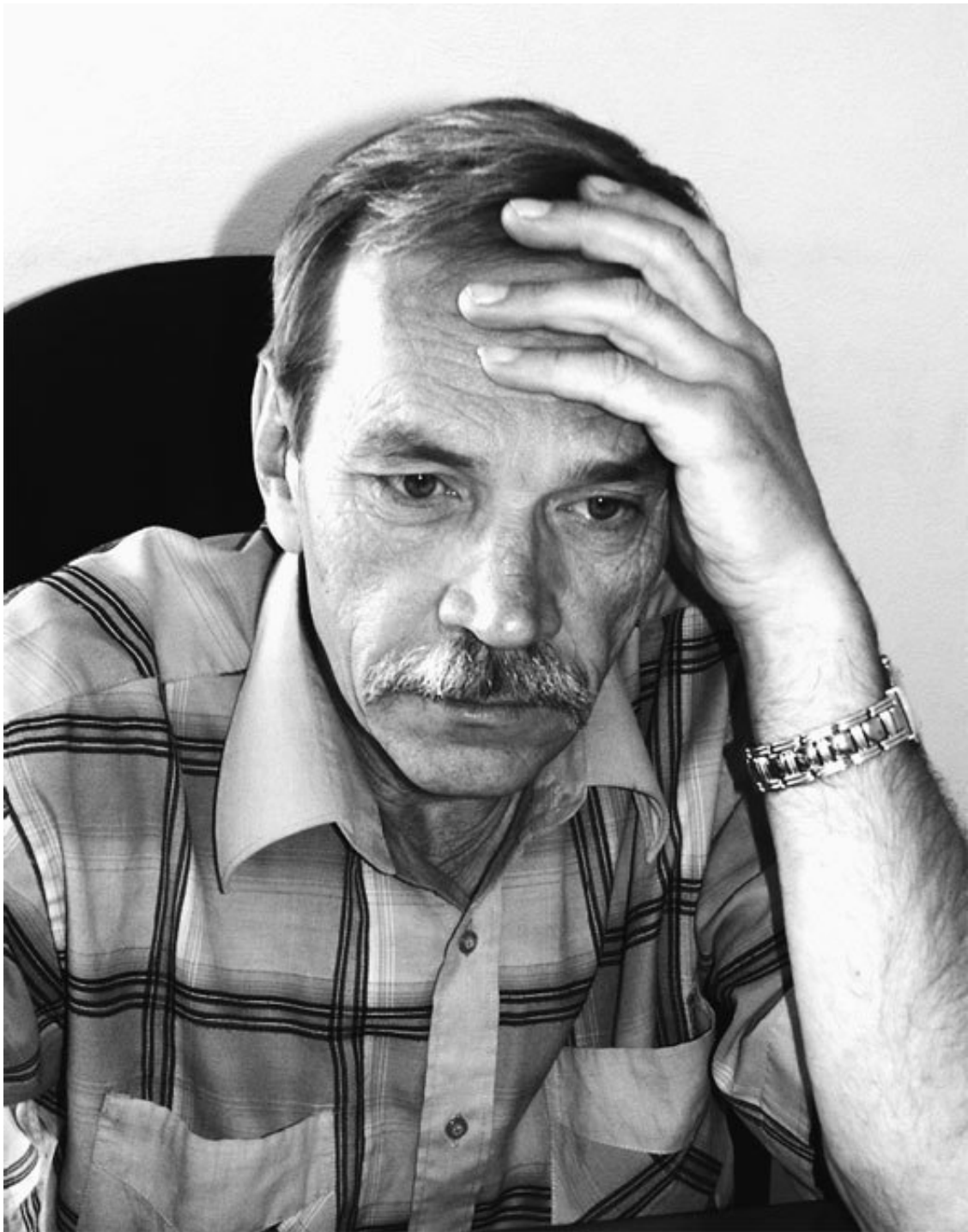
– Как это?

– Вот сейчас, после завязки-то, – стал пояснять Юрий Иванович, – выпью рюмочку, водки конечно, и сразу удовольствие ощущаю в моем нутре, будто бы это удовольствие не только твои потроха ласкает, но и по твоему биополю распространяется и через это биополе на других людей действует, кайф на них наводя. Поэтому, когда по-человечески пьешь, то и окружающим людям приятно, веселее они становятся и даже, иногда, вроде как пьяненькими кажутся. Нет ощущения эгоизма-то при этом, шеф.

– А у алкоголиков как?

– Я, конечно, шеф, алкоголиком, вроде как, никогда и не был, но сильно пьющим был. Точно был. Скажу тебе сразу, что тогда, до завязки-то, водку я как лекарство пил. О каком таком биополе думать! Там бы лишь тварь в тебе сидящую заглушить... ту тварь, которая, сволочь, водки требует и тебя хочет в дерьмо превратить... чтобы ты, человек, перед этой тварью распластался. Короче говоря, шеф, тварь эта поганая, сука такая, требует, чтобы ты, человек, ее ублажал. Она даже, тварь эта... с-сука... тебя в какой-то темный мир заволакивает... в чужой темный мир, в очень чужой и очень темный. Скажу я тебе, шеф, откровенно, скажу...

Юрий Иванович Васильев: – Самое главное, что я понял во время завязки, это то, что темный мир Дьявола существует на самом деле

– Что?

– Существует он, темный мир-то! Существует. Мир Дьявола это, чужой мир! Не хочется нам туда, не хочется, скажу тебе прямо, шеф. Потому что мы – люди – порождение Бога, а не Дьявола. Энергия в нас божественная течет, а не дьявольская. А Дьявол, сволочь такая, чужая сволочь, хочет нас перетянуть на свою сторону, чтобы противоборствовать с Богом и доказать Богу, что он, Дьявол-то, сильнее его, Бога-то. Вот и закидывает Дьявол шары в наш мир...

– Какие такие шары?

– Шары чужой энергии, которые вселяются в человека и начинают его на темную сторону перетягивать.

– А почему ты, Юрий Иванович, считаешь, что это именно шары?

– Нутром это чую, шеф, нутром...

– А как ты это почувствовал?

– В общем, короче говоря, шеф, многое я во время завязки понял, очень многое. Но самое главное, что я понял, это то, что темный мир Дьявола существует на самом деле. Сука буду, точно существует!

– М-да, – проговорил я.

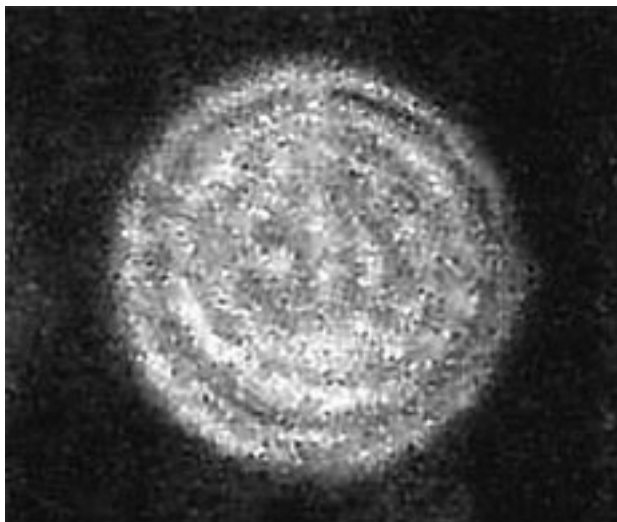
– Все пять лет завязки знаешь чему я посвятил, шеф?

– Чему?

– Выбрасыванию дьявольского шара из души своей. Зацепился, сука такая, так сильно, что аж пять лет пришлось его голодом морить.

– Как это?

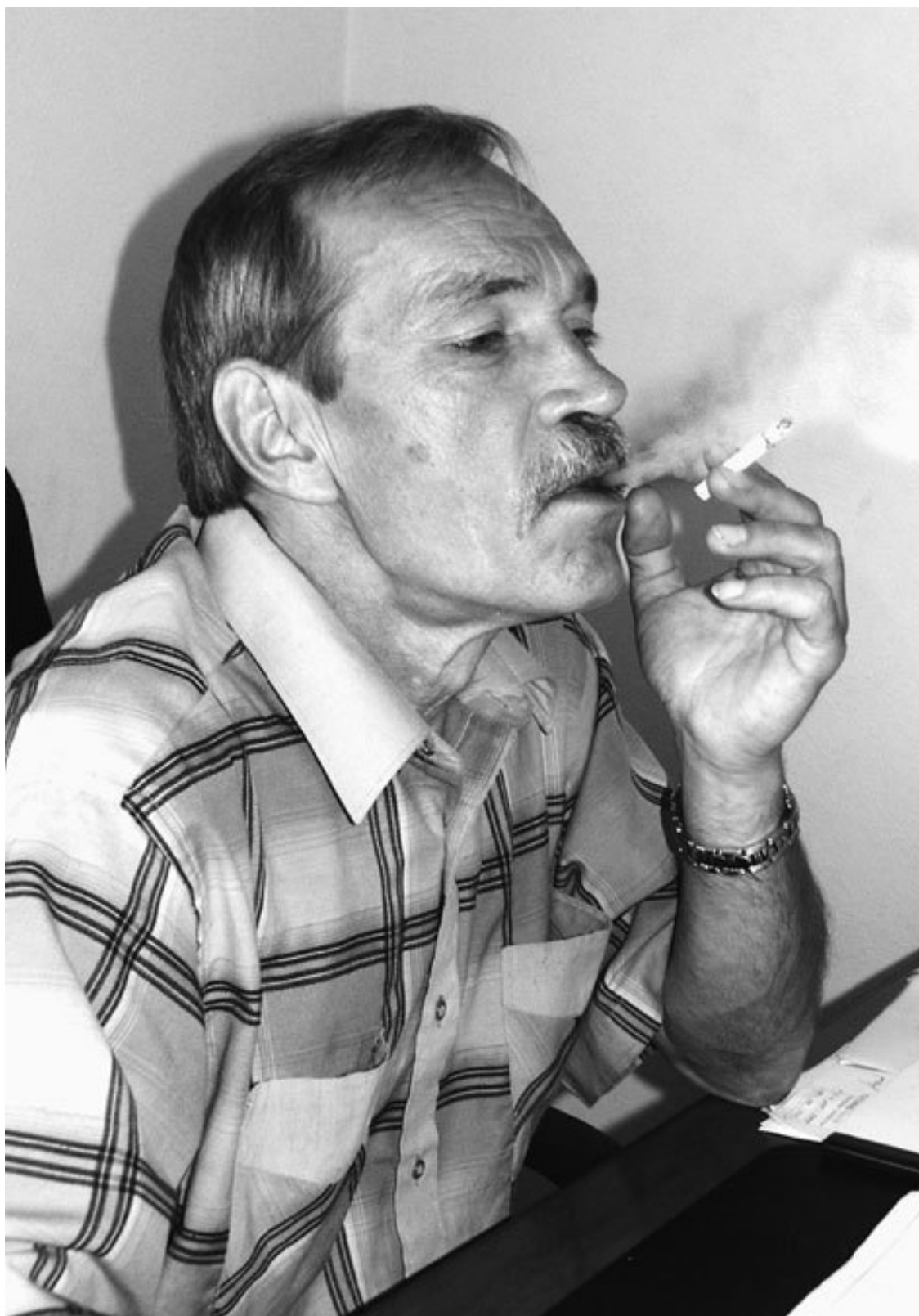
Э. М.: Бестелесные шары, которые улавливает цифровая камера, могут быть, видимо, не только божьего, но и дьявольского происхождения.

– Не пил я, короче говоря... – многозначительно произнес Юрий Иванович. – Пять лет не пил. А шар этой темной дьявольской энергии во мне постепенно таял и таял. Зато когда он, шар этот, совсем растаял, я почувствовал такое облегчение, такое облегчение, что аж... выпить захотелось. Но по нормальному выпить, по-человечески, чтобы кайф внести в свои... организмы.

– Может, выпьем все-таки, Юрий Иванович? – перебил его я и поднял рюмку.

– Давай! – вкусно ответил он.

Юрий Иванович Васильев: – Душевная вонь – это особая вонь! Хуже сигарет воняет

Мы опрокинули по рюмке.

– Давай уж и покурим, – предложил я.

– А чо нет-то! – ответил Юрий Иванович.

Я разжег камин, достал сигарету, прикурил и выдул дым в сторону огня.

– Здорово все же, шеф, что ты камин в своем кабинете завел! – заметил, закуривая, Юрий Иванович. – Вот раньше я, как знаешь, только сигареты «Вега» курил. Вонючие были – жуть! А сейчас я «Петр Первый» курю. Вонючие тоже, но не очень. Но скажу тебе прямо, вонь от сигарет – не самое страшное. Страшнее – душевная вонь. Ой, у скольких людей душа воняет, ой у скольких, шеф!

– Да уж, – произнес я.

– Душевная вонь, – продолжал Юрий Иванович, – особая вонь. Хуже сигарет воняет. Но, скажу тебе прямо, шеф, любая вонь в огне сгорает. Не зря ты камин в кабинете завел, не зря. Зайдешь к тебе, камин горит и... вроде как душевной вони вокруг нет. Хорошо так... вонь в огонь выдувать.

– М-да...

– Ты же сам говорил, шеф, что огонь есть горящее Время. А когда Время горит, то это означает, что оно торопится вперед... торопится к Чистоте, уничтожая во время своего стремления вперед все гнусное и вонючее. Очищает он, огонь-то, очищает. Курение, вроде как, отрицательным моментом считается, но около огня курится хорошо, очень хорошо, шеф. Выдул вроде как дым в огонь-то и сразу хорошим и чистым себя почувствовал... вроде как душевную вонь туда выдул. В общем, скажу тебе, шеф, определенно скажу, что курящие люди добрее и чище, чем некурящие. Почему? Да потому, что курящие люди с вонючим сигаретным дымом одновременно и душевную вонь выдувают. И чем вонючее сигаретный дым-то, тем больше душевной вони он с собой уносит. Поэтому люди, курящие самые поганые сигареты, навоз почти, самые чистые и добрые.

– М-да... уж! Ну ты и загнул!

– Вот так вот.

– Может, Юрий Иванович, еще по рюмочке нальем?

– А чо нет-то!

Я налил еще по рюмке и поставил на полку около камина соленые огурцы, колбасу и хлеб. Мы выпили еще.

Юрий Иванович сочно откусил огурец и, причмокивая, сказал:

– Скажу еще вот что тебе, шеф. Как на духу скажу! Только серьезно к этому отнесись! Ладно?!

– Говори, Юрий Иванович!

– Не будешь смеяться?

– Нет, не буду.

– Помнишь, когда ты после тибетской экспедиции приехал, то ты как-то ненароком произнес, что человек, наверное, имеет четыре тела сразу.

– Ну... говорил... Город Богов к этому выводу подвел.

– Так вот, – Юрий Иванович сразу за первой сигаретой закурил вторую, – совпало это с моими мыслями во время завязки... окончательной, конечно. Когда я завязывал, то тогда я чувствовал, что этот проклятый шар темной энергии сидит не только в моем теле, состоящем из желудка и головы...

– ???

– И... и из... половых органов еще, – сконфузился Юрий Иванович. – В общем... в общем...

– Что? – Я посмотрел Юрию Ивановичу в глаза.

– А то, что... только не смейся, пожалуйста, шеф.

– Ладно.

– Чувствовал я, шеф, что шар этот поганый... из темного мира пришедший... в четырех моих телах сидит. И изгонял я его тоже в четыре этапа: вначале из одного тела выгнал – легче стало, потом из второго выгнал – еще легче стало, потом из третьего... и, наконец, когда из четвертого тела выгнал, вот тогда и кайф наступил. Сразу себя человеком от Бога почувствовал, без темной примеси в душе! Сейчас и пить могу по-человечески.

Юрий Иванович Васильев: – Чувствовал я, что шар этот поганый в четырех моих телах сидит

В тот момент, к сожалению, я не обратил особого внимания на слова Юрия Ивановича Васильева. Я налил по третьей рюмке и пригласил его к столу, где стояли жареная картошка и мясо. После операций надо было поесть.

Пришла моя хирургическая бригада: анестезиолог Андрей Дмитриевич Князев, сестра-анестезистка Инна, вторая операционная сестра Света и уже упоминавшаяся Оксана.

– Садитесь кушать, пока мясо горячее, – сказал я.

– Ножи-то к мясу подайте, – важно произнес Юрий Иванович, – а то как-то некультурно его пальцами щипать. Я щипнул раза два, но не на людях же...

Альфия

Мой старший референт по имени Альфия со словами «Извините, Юрий Иванович!» тут же достала ножи и подала их всем:

– Забыла, – проговорила она.

Альфия Касимова

Честно скажу, что более толкового человека женского пола, чем Альфия, я не видел. Она не только красива, но и в совершенстве владеет английским языком, расторопна, внимательна,

говорит отточенным секретарским языком по телефону и, самое главное, на всех доброжелательно смотрит своими небесно-голубыми глазами.

– Культурнее оно, с ножом-то, – жуя, произнес Юрий Иванович. – У нас ведь в России две беды: щипать мясо без ножей и штопора воровать.

Штопор

– Штопоры для откупоривания бутылок что ли? – переспросила Альфия. – Может кто-нибудь вино будет?

– Нет, нет, – ответили операционные сестры.

– Странно, – продолжал Юрий Иванович, – вилки, ножи и чашки никто не ворует, а штопора воруют. Вон, Гузель Галеевна Корнилаева, которая заведующей курсами в центре служит и профессором является, на какой-то из праздников каждому отделу центра по штопору подарила... поскольку вино любит, особенно «Мартини». И что?

Штопор

– Что? – Альфия посмотрела на Юрия Ивановича.

– Через месяц уже, после подарка-то, во всех отделах нашего центра пробки в винных бутылках начали пальцами внутрь заталкивать, чтобы потом раствор из сургуча и пробки пить.

Светлана Хусаиновна, архивариус-то, которая зажеванные истории болезней хранит, рассказывала об этом. Спрашивается, куда подаренные штопора подевались? Ясно дело, что их домой унесли, как самое дорогое. Хотя штопор копейки стоит. Да и в домах штопоров, наверное, уже не осталось... по привычке по другим домам растащили. Копит их что ли кто-то? Штопора-то?! Какой-то штопорный бум в России, где пьют в основном водку, происходит! Нет у нас штопорной культуры, нет!

– Да уж, – ответил я.

Профессор Корнилаева Гузэль Галеевна

– Юрий Иванович, – воскликнула операционная сестра Света, – после ваших слов мне что-то вина выпить захотелось. Альфия Рауфовна, можно я бутылку вина открою?

– Конечно, Светочка, конечно, – ответила Альфия.

– Скажу тебе, – Юрий Иванович остановил Свету взглядом, – это только где-то в Израиле бабы бутылки открывают, а ты, Светка, в России живешь, где еще баба мужиком не стала... по моде, которую американки по всему миру навели. В общем, у кого бороды или усов нет, тот не должен бутылки открывать... не бабское это дело. Ясно?!

– Ясно, Юрий Иванович.

Архивариус Светлана Хусаиновна Мамлеева, которая заметила отсутствие «штопорной культуры» в нашем Центре

Юрий Иванович встал, взял бутылку вина, достал из кухонного ящика штопор, открыл бутылку и, обернувшись, спросил у Альфии:

– У тебя что, штопор еще не украли, что ли?

– Да пока нет, – ответила Альфия.

Все вдруг захотели вина. Его разлили, и мы чокнулись за то, что сегодня операции прошли успешно.

– Я-то больше водку предпочитаю, – Юрий Иванович смачно опрокинул рюмочку.

– Я тоже, – добавил я.

Светлана

– Скажи, шеф, – обратился ко мне Юрий Иванович, – молодая Светка, от которой свежачком веет за три версты, тебе во время операций-то не мешается?

– Да нет вроде! Наоборот своим хирургическим чутьем поражает; именно когда нужно – посушит кровь в ране, именно когда нужно – лопатку пододвинет, именно когда нужно – ножницы подаст... Талант у нее, ассистировать-то! Порой даже...

– Да я не об этом говорю, шеф! – прервал меня Юрий Иванович. – Я говорю о том, что Светка-то, по-моему, всю свою жизненную силу на удлинение своих, извините, и так длинных ног направила, чтобы ими, ногами-то, удивлять народ, копошащийся вокруг. Поэтому я хочу спросить тебя, шеф, не мешаются ли тебе во время операции Светкины ноги-то? Ведь они вечно около педали операционного микроскопа елозят, перекрывая тебе, хирургу, доступ к управлению микроскопом. Мог бы, вообще-то, шеф, себе коротконогую ассистентку выбрать.

Моя вторая операционная сестра Светлана Иванова

– Да вроде как ни разу еще не мешали, – удивился я. – Зато она, Света, так хорошо руками в операционной ране работает.

– Ноги, значит, скривив сидит, – подвел итог Юрий Иванович. – Тяжело ей, наверное, Светке-то, так сидеть. Так и скривленной можно остаться. Но пока, вроде бы, прямо ходит.

Андрей Дмитриевич Князев и Инна Баутина

– Извините, Юрий Иванович, – хихикнув, вмешалась в разговор Оксана, – а вот у нашей анестезистки Инны, к примеру, грудь большая. Так она же ей во время операций не мешает и обзор не перекрывает.

– Вы что, хотите сказать, что я из-за своей груди не смотрю, а только... выглядываю?! – возмутилась Инна.

– Это не важно – выглядывать или смотреть, главное – видеть, – тоном, не терпящим возражений, произнес Юрий Иванович.

Японский операционный микроскоп вместе с Юрием Ивановичем Васильевым

Я посмотрел на Андрея Дмитриевича и Инну. Мне стало тепло на душе. Эти люди сейчас весело хохотали, а только час назад давали самый сложный наркоз тяжелой больной, когда надо было учесть все-все, даже возраст... прозрачной австрийки. И я знал, что мне – хирургу – работать с анестезиологом Князевым и анестезисткой Инной – это то же самое, что быть за каменной стеной.

– Юрий Иванович! Если бы вы были анестезиологом или анестезисткой, то вам бы не до грудей было, – решил внести ясность Андрей Дмитриевич Князев. – Когда ты даешь наркоз, то есть ведешь больного между жизнью и смертью, а в глазу работают шеф, Оксана и Света, то тут, Юрий Иванович, не до каких-то сантиментов, с фигурой связанных. Это вам, Юрий Иванович, не микроскоп подстроить, если что не так. Микроскоп – он, все-таки, железка.

– Не согласен, – парировал Юрий Иванович. – Если с этой железкой что-то не то, то тут сразу шум начинается, – понятно, шефу не видно, в каком месте глаз разрезать-то. А Оксанка со Светой поддакивают ему и своими придыхами, пока ты микроскоп ремонтируешь во время операции, мешают творческому процессу, когда ты вскрыл эту сломавшуюся японскую машину под названием операционный микроскоп. Молчали бы в тряпочку, когда ты... операцию делаешь в операционном микроскопе... А то «Ы-х!», да «Ы-х!»... противно как-то... А вообще, Андрей Дмитриевич, скажу я тебе вот что.

Наша анестезиологическая бригада: Андрей Дмитриевич Князев и Инна Баутина

– Что?

– А то, что ты, когда наркоз даешь, очень на татарского мужа похож.

– Как это так? – растерялся анестезиолог Князев.

– Ты, Андрей Дмитриевич, – стал пояснять Юрий Иванович, – как только трубку в глотку больному затолкаешь и к глотке наркозный аппарат подключишь...

– Чего, чего? – не понял Андрей Князев.

– К телу... м... м... к больному... наркозный аппарат подключишь, – поправился Юрий Иванович, – то сразу начинаешь ходить важно, как гусь, и изображать из себя татарского мужа, который все свое властолюбие на жену свою спускать привык.

– С чего это?

– А с того, что ты, Андрей Дмитриевич, важно ходишь во время наркоза и говоришь тоном, не терпящим возражений, только одно слово – «деприван!¹».

¹ Деприван – препарат для наркоза.

– Но я и другие слова говорю, например, «энфлюран».

– Но слово «деприван» говоришь важнее всего.

– Да, да, Андрей Дмитриевич, вы слово «деприван» говорите важнее всего, – согласилась Инна.

– А ты, Инна, как только Андрей Дмитриевич скажет это слово, сразу начинаешь так kloкoтaть вoкpyг вeны, кyдa иглa... вмaзaнa...

– Не вмазана, а вколота, – поправил Андрей Князев.

– Не важно, – парировал Юрий Иванович, – важно то, что ты, Инна, очень напоминаешь татарскую жену, которая kloкoчeт и тpeпeшeт пo пoвoдy лyбoгo слoвa, пpoизнeceннoгo тaтap-ским мyжeм.

– «Деприван» – это не просто слово! – возмутился Андрей Дмитриевич. – От этого лекарства жизнь или смерть зависят.

– Суть не в «деприване», а в поведении, – кинул Юрий Иванович. – Понимать надо!

– Да я русская! – вытаращила глаза Инна.

– Я тоже, – добавил Андрей Князев.

Татьяна

Разговор прервал звонок. Альфия и Татьяна² пояснили мне, что звонит какой-то сверхзануда из Украины и что его, сверхзануду, надо обязательно соединить со мной, поскольку он уже не просто «достал», но и, вроде бы, буквально высасывает энергию через телефон.

– А у меня будто бы энергии..., – проворчал я и взял трубку.

Зануду на другом конце провода я терпел минут пять и, несмотря на то, что моей второй этнической Родиной (по маме!) является Украина, начал раздражаться. Мне показалось, что этот человек из Львова и в самом деле сосал мою энергию, подсасывая больше всего в те моменты, когда я был вынужден слушать неинтересные подробности его истории болезни.

– Шеф, брось трубку, на тебе лица нет! – прошептала в ухо мой референт Татьяна Драпеко. – Я так наслушалась, так наслушалась его...

– Дотерплю, – прорычал я.

– Чего, чего? – раздалось с другого конца провода.

---

² Это та Татьяна, про которую я много писал в своих книгах.

Татьяна Драпеко

В конце концов, я обещал сделать все, что можно и не можно... лишь бы этот разговор закончился. Наконец, на том конце провода положили трубку.

– Ух! – с облегчением вздохнул я.

– Чаю налить? – спросила Татьяна.

– Налей, – ответил я.

Татьяна потянулась за чашкой. А я, воспользовавшись моментом, пальцем поднял ее курносый нос вверх, чтобы она важнее казалась.

– Чай разливать – бабское дело, водку наливать – мужское! – назидательно подытожил Юрий Иванович.

А через некоторое время Юрий Иванович благодушным тоном спросил у всей нашей хирургической бригады:

Прозраченькая австриячка

- Как там прозраченькая-то, прозреет или нет?
- Австриячка, что ли? – спросила Оксана. – Знаете, Юрий Иванович, сколько у нее крови было! Красная кровь текла, густая, аж жуть, а не прозрачная.
- Так она прозреет или нет?
- Должна... но я не уверен, – ответил я.
- Знаете, что рассказывал мне Анис Хатыпович, которому водители погоняло дали – «министр иностранных дел»? – Юрий Иванович посмотрел на нас.
- Что?
- Оказывается эта прозраченькая очень хорошо говорит по-английски, поскольку раньше долгое время работала в США. Так вот, она, прозраченькая-то, рассказывала Анису, что когда ослепла, то тут же другой вид зрения приобрела – тот вид зрения, который позволяет видеть, но для нашего мира негодным является. Более того, три вида зрения приобрела она сразу, что позволяло ей как бы три видеофильма одновременно смотреть. Она, прозраченькая-то, стала рассказывать о своих видениях сыну своему, австрияку тоже, который, будучи одухотворенным коммерсантом, очень этим заинтересовался. Но невестка ее, прозраченькой-то, немка такая смачная, стала настаивать, чтобы она, старуха, все же реально прозрела, чтобы она не о каких-то неведомых мирах думала, а могла сама вилок в тарелке ковыряться... без помощи ее, невестки-то.

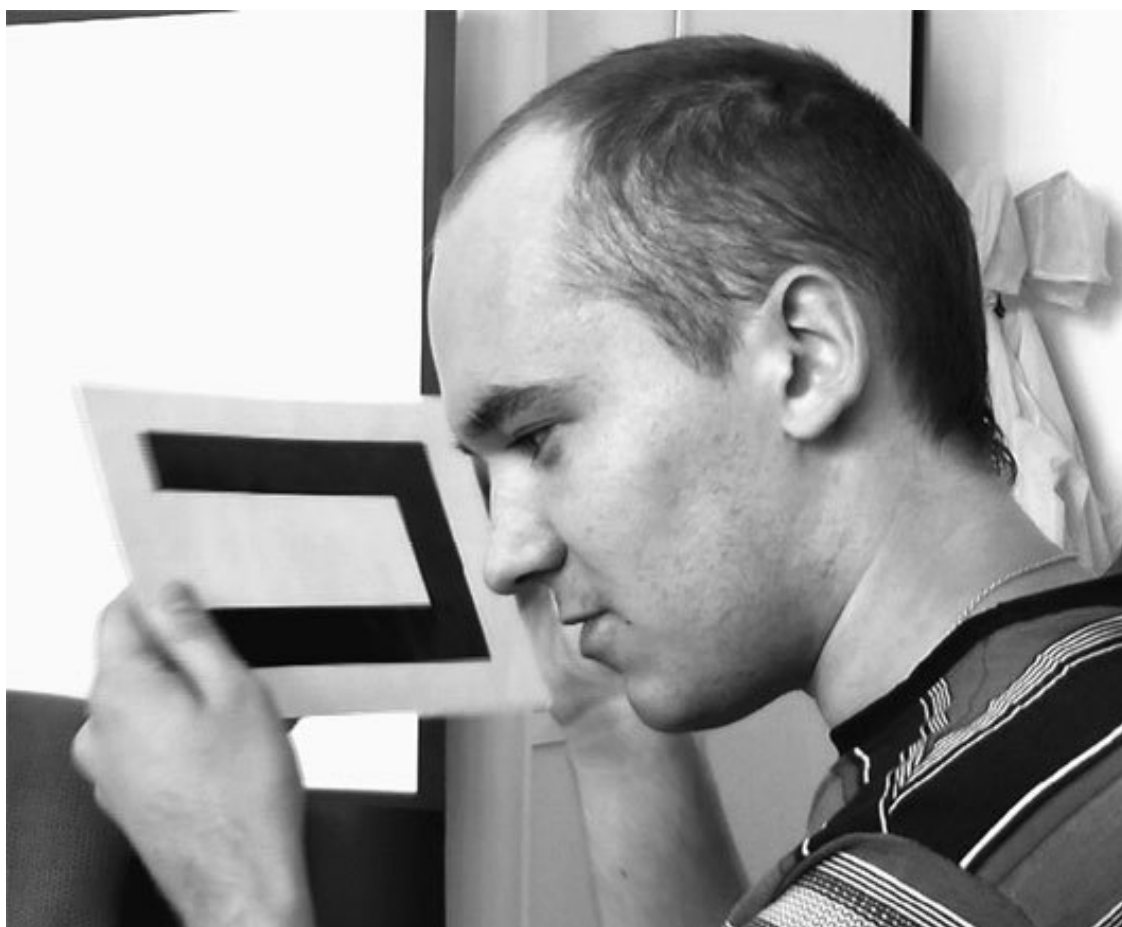
Заместитель генерального директора Центра по международным вопросам Хуснутдинов Анис Хатыпович, которому водители дали прозвище «министр иностранных дел»

– Интересно! – возбужденно проговорил я.

– Прозраченькая, короче говоря, шеф, – продолжал Юрий Иванович, – прозревать никак не хотела. Слепой ей хотелось оставаться, но... зрячей в других мирах. А невестка, немка эта, настаивала, чтобы она, старуха, вилок самостоятельно в тарелке кондыхалась. Боялась, что она совсем прозрачной от старости и голода станет. А старуха все не ела и не ела, только иногда виски или водку выпивала натошак, чтобы с иными мирами навеселе общаться и им,

обитателям других миров, интересной казаться. Короче говоря, стремилась старуха в другие миры, ой как стремилась! Но ей не дала сделать это невестка ее, немка-то, ее ковыряние вилкой в тарелке беспокоило больше всего. А о других мирах она, невестка-то, и не знала, не знает и, по причине своей приземленности, не хочет знать. Короче говоря, боится прозраченькая, австриячка эта, по нормальному прозреть, потому что ей, прозраченькой-то, уж больно другие миры понравились, куда она, прозраченькая, уж больно стремится, что даже вилкой не хочет по тарелке водить.

Э. М.: Это были первые попытки осознания того, что существует альтернативное зрение, когда люди видят не глазами, а чем-то другим... лбом (третий глаз), висками и даже затылком.

– Интересно! – снова проговорил я.

– У меня по этому поводу вот какие мысли появились, шеф! – посмотрел на меня Юрий Иванович. – Причиной того, что ее тело, австриячки-то, прозраченьким стало, является не только то, что у нее от старости бестелесный дух начал проступать, но и то, что может ее тело начало в другие прозрачные миры переходить.

– Ну вы уж это слишком загнули, Юрий Иванович! – вставился в разговор Андрей Князев. – Науке такие факты неизвестны!

– А что такое наука?! Что такое наука?! – взъерошился Юрий Иванович. – Академики-то, которые сами от возраста уже прозраченькими стали, до своего полного исления будут утверждать, что истиной последней инстанции будет только то, что они когда-то, когда еще прозрачными не были, на тетрадных листах чугуном пером, которое макалось в чернильницу, написали.

- Почему именно на тетрадных листах? – удивился Андрей Князев.
- Да это к слову.

Прозраченькая

– Хорошо бы расспросить более подробно, прозраченькую-то... австриячку! – вмешался в разговор я. – Но она только что после операции, наркоз еще не отошел. Кстати, давайте позвоним Аниса Хатыповича! Таня, позвони ему, пожалуйста!

Татьяна пригласила «министра иностранных дел».

– Вызывали? – спросил аккуратный во всем Анис Хатыпович.

Я объяснил, в чем дело.

– М... м... – задумался Анис Хатыпович. – Странно это, странно. Но она не совсем в своем уме, эта... как ее?

– Прозраченькая, – внес ясность Юрий Иванович.

– Я, тем не менее, – продолжал Анис Хатыпович, – долго слушал ее бред и даже старался вникнуть в суть ее... видений. Я хотел понять ее. Но невестка мешала. Она – абсолютно реалистичный человек, поэтому она, всегда сопровождая свою слепую свекровь...

– Прозраченькую, – вставил Юрий Иванович.

– В общем, она, невестка... – замялся Анис Хатыпович, – считает, что ее свекровь совсем свихнулась по причине своей старости, потому что для нее уже пришло время покинуть этот мир, и уже вроде как пора...

– Прекратить вилок по тарелке скрывать, – подсказал Юрий Иванович.

– Да, да... – опять замялся Анис Хатыпович. – Ей, невестке, как я понял, было особенно неприятно кормить свою свекровь, потому что она...

– Прозраченькая, – опять вставился Юрий Иванович.

– М-м... пожилая очень. – Анис Хатыпович выразительно взглянул на Юрия Ивановича. – Так вот, эта пожилая австриячка все время говорила своей невестке, что будет питаться исключительно водой и ничем более. Только водой! Невестка ей доказывала, что водой питаться нельзя, но фрау...

– Прозраченькая, – в очередной раз добавил Юрий Иванович.

– Да, да, очень... м-м... прозраченькая, – нехотя согласился Анис Хатыпович. – Так вот она, пожилая фрау, говорила, оказывается, своей невестке...

– Немке, – счел необходимым уточнить Юрий Иванович.

– Да, да... немке, – слегка сконфузился Анис Хатыпович. – Короче говоря, старушка австрийская говорила невестке-немке о том, что она хотела бы превратиться в воду и жить как вода... а для этого она решила пить только воду и не есть ничего сытного...

– Сало, например, – предположил Юрий Иванович.

– Ну... она же австриячка, а не хохлушка, – начал терять терпение Анис Хатыпович. – Юрий Иванович, не перебивайте, пожалуйста!

– Ладно, – пообещал Юрий Иванович.

– Так вот, – вздохнул Анис Хатыпович, – австриячка, короче говоря, хотела превратиться в воду и даже утверждала, что, увидев новым открывшимся зрением водный мир, влюбилась в него и загорелась желанием жить там, где...

– Нет невестки-немки, – не удержался и встрял Юрий Иванович.

– Юрий Иванович! Не перебивайте, пожалуйста! – попросил Андрей Князев.

– Ладно.

– Вы, наверное, меня поймете, – Анис Хатыпович покосился на Юрия Ивановича, – что в бред о том, что эта австриячка хотела превратиться в воду, я не поверил. Но она знает о чем еще говорила? Она говорила о том, что если даже и воду не пить, она может стать ангелом, которому никакой пищи не нужно... Более того, если она перестанет не только есть и пить, но и...

– Чего-чего? – не понял Юрий Иванович.

– Если она перестанет... – Анис Хатыпович почесал затылок, – если она перестанет... м-м... думать о чем-либо материальном, а будет думать только о возвышенном, то она может

стать высшим ангелом, тем ангелом, который близок к Богу. А это здорово, быть высшим ангелом, говорила австриячка! Но сейчас она готова превратиться всего лишь в... воду, но не в ангела, тем более в высшего. О, какая чушь! Какая чушь! Ты представляешь, шеф, как трудно мне на моем месте каждую чушь иностранного больного выслушивать... российскую деликатность показывать. А старушка эта, австриячка...

– Прозрачненькая, – не сдержал обещания и вставился Юрий Иванович.

Неужели и в самом деле существуют другие миры, где может жить человек?

– Да, да, она! – стал раздражаться Анис Хатыпович. – Старушка эта... м-м... прозраченькая... все время приговаривала, что зрение разным бывает: иногда появляется зрение, с помощью которого ты можешь водный мир видеть, иногда – зрение, позволяющее видеть мир ангелов, иногда – зрение, дающее возможность заглянуть в мир высших ангелов. И, естественно, она...

– Австриячка, – Юрий Иванович кинул ехидный взгляд на Аниса Хатыповича.

– Да, да, именно так, – не стал спорить Анис Хатыпович. – Так вот она, пр... австриячка, мне говорила, что ее зрение в других мирах ее вполне устраивало и что не было никакого смысла ехать в холодную Россию, чтобы восстановить зрение в обычном мире, где живут не только хорошие люди, но и много таких плохих, таких плохих, как, например...

– Немка, – пришел на помощь Юрий Иванович.

– Вы имеете в виду невестку, Юрий Иванович?

– Да. А кого же еще? Невестки они еще хуже свекровей! Если свекровь – старая стерва, то невестка – молодая стерва, – тоном, не терпящим возражений, произнес Юрий Иванович.

Юрий Иванович Васильев: – Если свекровь – старая стерва, то невестка молодая стерва

– В общем, шеф, – устало обратился ко мне Анис Хатыпович, – наслушался я от иностранных больных такого... и все из-за нашей российской деликатности.

Какие они, Другие Миры?

Я опустил голову и задумался. Потом я встал, закурил и подошел к камину. Я понимал, что бред полоумной австрийской старушки нельзя воспринимать всерьез, но что-то любопытное было в том, что она, старушка эта, не хотела прозревать и хотела уйти в другие миры, странные и загадочные другие миры.

Э. М.: Мой заместитель по диагностике Амир Рашитович Шарипов хорошо разбирается в сути бреда слепых пациентов, желающих уйти в другие миры. Он с ним борется, выводя их в реальный мир.

– Другие миры, другие миры... – тихо проговорил я.

– Чего? – отозвался Юрий Иванович.

– Да так, – ответил я.

А мои мысли уже крутились и вертелись на полную катушку. Аж клокотало все во мне!

– Другие миры, другие миры... – раз за разом повторял я про себя и, конечно же, ничего не мог понять.

От того, что я ничего не знал о других мирах, я начал, вроде как, немного злиться, но вскоре унял в себе это негодование, поскольку до моего сознания с тяжелым скрежетом дошел постулат, что тебе, человеку, дозволено знать столько, сколько дозволено.

Но как хотелось знать больше! Как хотелось! Как хотелось своим сознанием внедриться в глубины мироздания, чтобы хотя бы чуть-чуть ответить на вопрос – кто ты?! Но... мое сознание плавало здесь, в этой комнате с камином, где пила чай уставшая хирургическая бригада вместе с моими секретарями, Анисом Хатыповичем и Юрием Ивановичем. Все было так по земному, так по земному! А так хотелось знать больше!

Я чуть ли ни с головой засунулся в камин, выдувая туда дым сигареты. Я пристально посмотрел на огонь, почти обжигая лицо и как-то сильно-сильно, по-детски сильно, подумал на полную мощь, подумал так, что аж в затылке засвербело.

– Шеф, ты чо, головой решил камин подтопить? – прозвучал голос Юрия Ивановича.

– Задумался я что-то, – пролепетал я.

А в голове непрерывной вереницей бежала мысль без ответа – «другие миры, другие миры, другие миры...». Мне даже показалось, что это словосочетание «другие миры», повторяющееся раз за разом, напоминает стук вагонных колес – «тук-тук, тук-тук, тук-тук...».

– Шеф! Вы ведь хирургический чепчик сажей испачкали! Что за привычка голову в камин совать, а?! – раздался строгий голос Татьяны.

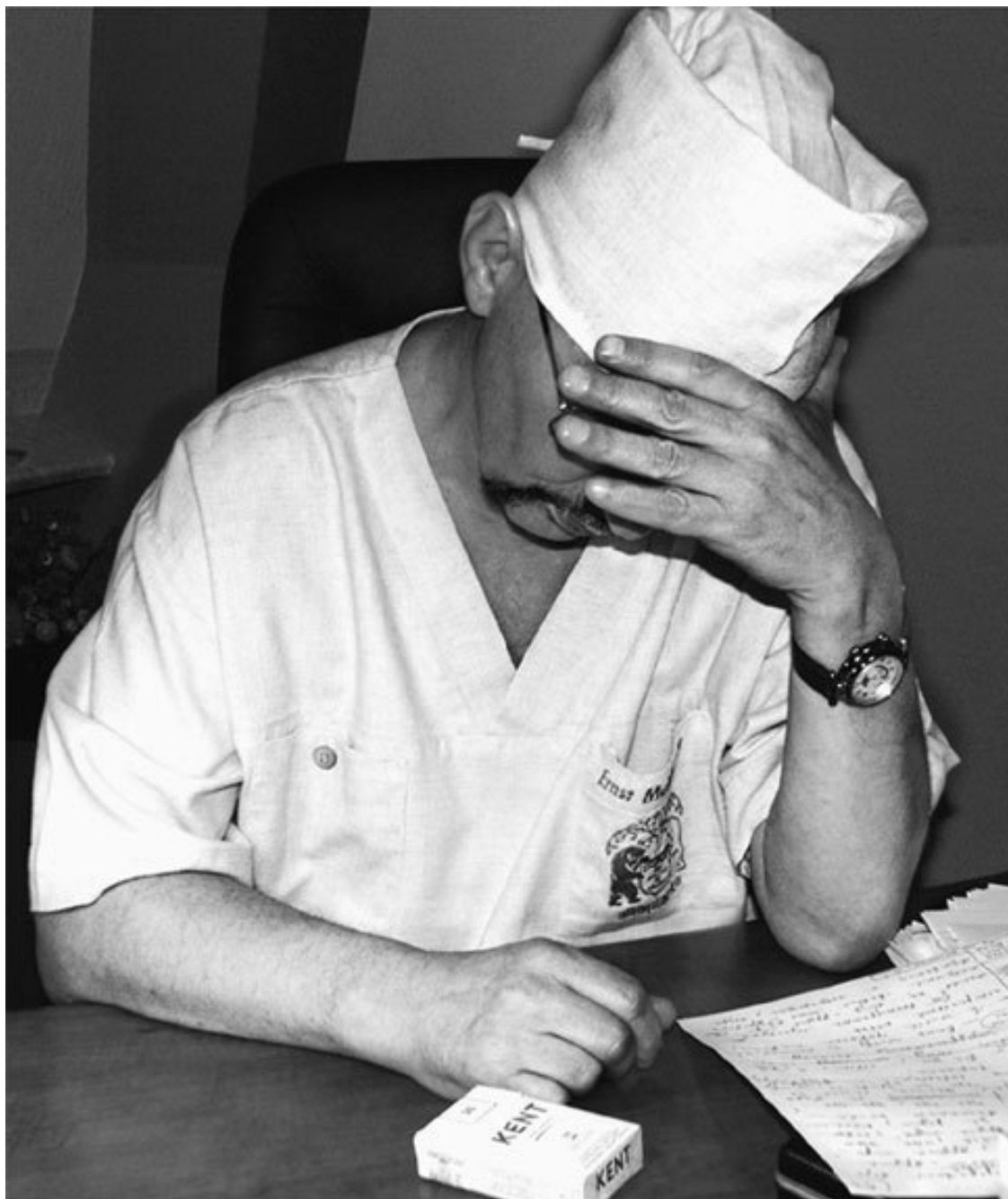
– Да, я нечаянно, – ответил я.

– Выньте голову из камина, а! – В голосе Татьяны появились истерические нотки.

**Человеку дозволено
знать столько,
сколько дозволено**

От бесплодности перестука мыслей на тему «другие миры» мое мышление вывело меня на уровень взывания к интуиции, туда, где ты способен лишь тупо долбить себя изнутри, как бы повторяя одно и то же слово: «Подскажи! Подскажи! Подскажи!»

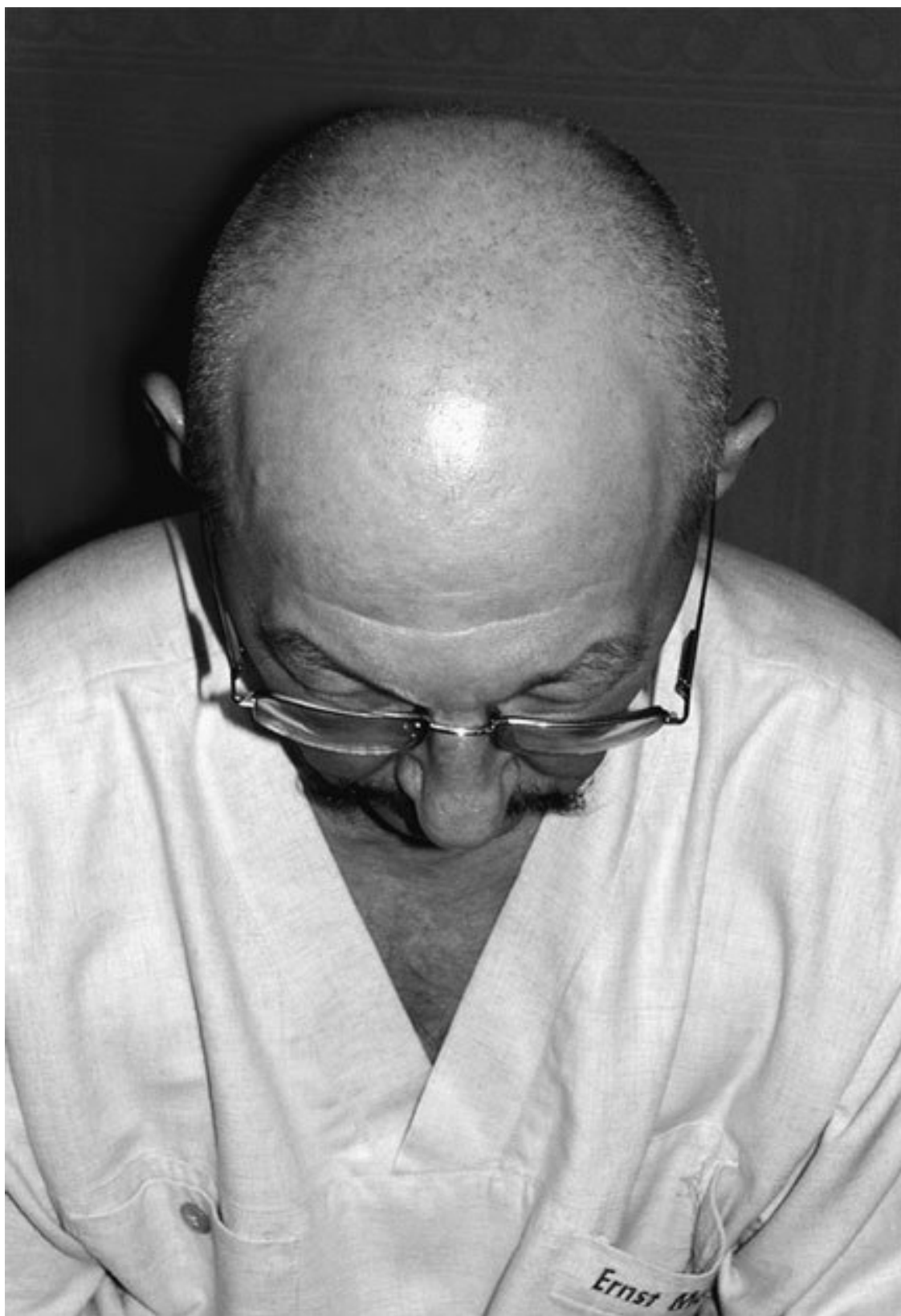
О, как трудно иметь мысль без ответа!

Но подсказки так и не поступало. Перед моими глазами трещал огонь в камине, чуть поодаль мыла посуду секретарь Альфия, операционная сестра Светлана сгребала недоеденную картошку и капусту из тарелок, Юрий Иванович глядел на рыбок в аквариуме... В общем, жизнь текла по своим законам – законам Нашего Мира, которые, наверное... наверное... так отличаются от законов Других Миров, загадочных и... близких... Других Миров, в которых мы когда-нибудь, возможно, и очутимся и будем думать про Наш Мир как про... Другой Мир, став... другими людьми.

Я потер раскалившийся от камина лоб, да к тому же нечаянно пальцами провел по хирургическому чепчику, окончательно размазав сажу по нему.

– Шеф, снимите немедленно чепчик! Снимите! – Татьяна подошла и стянула с меня чепчик. – Лучше сажу по лицу размазывайте: лицо вымыть можно, а чепчик стирать и крахмалить надо.

Моя лысина

Без чепчика с оголенной лысиной я почувствовал себя совсем закомплексованным; мне казалось, что женщины подходят ко мне сзади и смотрятся в лысину, как в зеркало. Неуютно совсем стало.

– Таня! Отдай чепчик! – попросил я.

– Не отдам! – твердо ответила она.

Сидя у камина без чепчика, я загрустил. Комплекс неполноценности, навеянный оголенной лысиной, углубился в душу и постепенно перевел меня в комплекс какого-то очень высокого и даже благородного уровня, тот комплекс неполноценности, когда ты, человек, поднаторев в жизненных мелочах, таких как помыть посуду, разжечь костер или механически произвести половой акт, чувствуешь себя воистину человеком, но как только ты, человек, начинаешь внедряться своим разумом в глубины мироздания, то сразу чувствуешь, что кто-то далекий и очень мощный тихо грозит тебе пальцем, как бы приговаривая, что эти знания «не твоего поля ягодка» и что до этих знаний тебя допустят только тогда, когда понятие Чистая Душа воистину засветится у тебя внутри, да и степень Чистоты человеческого общества позволит тебе передать эти знания людям.

– Шеф! Твоя лысина что-то совсем покраснела, – послышался хриплый голос Юрия Ивановича.

– Ну... хватит уж о ней, – промычал я. – И так себя ощущаю...

О, как многого я не знал тогда! О, как давил меня тогда комплекс неполноценности! Я еще не знал, что через какое-то время интуиция начнет шептать мне информацию о других мирах и что я, потирая свою лысину, буду иступленно записывать эту информацию с помощью дешевой желтой авторучки, боясь хоть на йоту ослабить накал своих мозгов, хоть на йоту отойти от поглотившей меня интуиции. Да и мысль о том, что тело человека состоит из четырех тел, станет реальной и ясной, будто бы по-другому и быть не может.

– А все-таки прозреет эта «прозраченькая» в нашем мире или нет? – в очередной раз задал вопрос Юрий Иванович, обращаясь к нашей хирургической бригаде.

– Уж очень тяжело шла операция, – вздохнула операционная сестра Оксана. – Кто знает, кто знает...

– А может быть и не надо ей прозревать-то... в угоду невестке-немке, может быть... может быть... в других мирах лучше? – тихо пробормотал Юрий Иванович.

Все замолчали.

Снежана

Открылась дверь, и громкий голос моего врача-референта Снежаны Леонидовны Одиновой известил:

– Эрнст Рифгатович! Все больные из наркоза вышли, все нормально, но... вас еще четверо больных ждут на консультацию.

– Устал я, вообще-то, – промолвил я.

– Ну, Эрнст Рифгатович! Они все издалека, уже очень давно ждут.

– Ладно, Снежана. Еще пять минут посижу, а потом пойдем смотреть. Кстати, Таня, отдай мой чепчик, а! Не могу я без него больных смотреть... с голой лысиной!

– Так он же весь в саже! – Таня бросила недовольный взгляд. – Я принесу другой. Но он будет от другого хирургического костюма, поэтому не будет подходить по цвету.

– Пойдет. Неси. Не могу я с... комплексом неполноценности... больных смотреть!

– Несу.

– Эх, Снежана! – проворчал Юрий Иванович. – Нет в тебе философического восприятия жизни, нет. Шеф тут загрустил слегка, даже голову в костер засунул, о мирах стал задумываться, феномен «прозраченькой» стал анализировать, а ты тут объявилась и начала его в житие-бытие втягивать. Дала бы ему немного погрузить-то!

– Ну, Юрий Иванович... – сконфузилась Снежана.

Снежана Одинцова

– Скажу тебе, – начал распаляться Юрий Иванович, обращаясь к Снежане, – тебе главное – это перед больными покрасоваться. Тебе ведь, Снежанка, хорошо известно, что при виде твоих форм даже самый слепой больной прозреет. Помнишь, рыбак один из деревни полусле-

пыми глазами за тобой следил, как ты носишься то вперед, то назад. Следил, следил, да не удержался и, как-то по-деревенски, хлопнул тебя в официальном месте по... что у тебя глаза на лоб вылезли, и истерика тебя накрыла. А он ведь, рыбак-то, может, хотел свое зрение проверить – в натуре такие формы существуют или ему, сослепу, они только кажутся. Поэтому, Снежанка, пусть шеф подумает о других мирах-то у костра, не торопи его... успеешь свои формы народу с глазными болезнями продемонстрировать. Ты ведь ничего, Снежанка, не понимаешь в других мирах-то, тем более в другом зрении, с помощью которого, может, и в тебе можно ангельские формы разглядеть. Может, они, твои ангельские формы-то, и являются наиболее привлекательными для тех, у кого со зрением в нашем мире туговато. Австриячка эта, прозраченькая, не зря ведь говорила, что зрение, исходящее от других миров, заимела и с помощью этого зрения начала даже обычных наших людей распознавать, поскольку в каждом из нас другое начало сидит, которое составной нашей частью является, но невидимым остается. Так что, Снежанка, никто не знает, где у тебя формы-то пышнее – в нашем мире или в каком другом. Вот так вот. Ясно?!

– Ясно, Юрий Иванович, – ответила Снежана. – Но больных-то посмотреть бы надо.

– Пусть шеф еще пяток минут подумает о других мирах и... других телах. Видишь, думать ему хочется! А если мешать будешь со своей торопыгостью, то он, шеф-то, может опять в костер головой засунуться, чтобы от твоей занудливости спастись. Понятно?!

– Понятно, Юрий Иванович. Жду.

Я посмотрел на Снежану. Я очень высоко ценил эту женщину, ценил не только за энергичность и толковость, и, прежде всего, за то, что она была безгранично доброй и, даже говоря про занудство пациентов, произносила это ласково и уютно.

Мысли уже не шли. Татьяна демонстративно надела на мою голову хирургический чепчик. Я пошел смотреть больных.

Во время осмотра больных я говорил степенно и важно, как подобает профессору. Но вскоре корчить из себя важную персону мне надоело... не корчилось что-то. Я начал было

говорить с консультируемыми пациентами по душам, но уже следующий больной, то ли из Азербайджана, то ли из Узбекистана, выслушав мою тираду о роли душевного стремления пациента в излечении от слепоты, тут же предложил мне 1000 долларов за увеличение его зрения на 50 % и 2000 долларов, если я подниму его зрение до 100 %.

– О, как приземлены люди! – думал я в тот момент. – Они, люди, склонны все измерять в деньгах, только в этих проклятых деньгах. А где же душевный порыв хирурга, а где же душевное рвение пациента прозреть?! Где?! Где?! А может быть... может быть... в других мирах нет денег и все измеряется в «душевных порывах»... или в чем-то другом?

Закончив консультации, я возвратился в комнату, где горел камин. Я опять подсел к огню. Что-то тянуло меня к нему – огонь, наверное, тянул, который я уже давно считаю Горящим Временем!

– Время сжигает Плохое, – промелькнула мысль.

Э. М.: Этот постулат, что Время сжигает плохое, твердо вошел в мое сознание. Я даже боюсь, когда мне хорошо, а когда мне плохо, я жду, когда Время сожжет плохое. Я очень верю в этот постулат. Он облегчает жизнь.

Оксана Вакула

Открылась дверь, и вошла еще одна, моя четвертая секретарь-референт Оксана Вакула.

– Оксана! Не задавай шефу вопросов, дай ему погрустить у камина, – тут же среагировал Юрий Иванович. – Ты, как я замечаю, часто грустишь, когда делать нечего, а шефу тоже может погрустить хочется. Любой человек должен иметь свободу грусти.

– Хорошо, Юрий Иванович, хорошо, – тут же согласилась Оксана Вакула.

Э. М.: В нашем глазном центре есть отдел психокоррекции зрения, в котором наши психологи учат пациентов прозревать. И одним из серьезных моментов является то, что пациентов учат не пессимистически тосковать, а оптимистично погрузиться по поводу своей доли. Ведь грусть – это настрой на борьбу.

– Сядь и тоже погрузи.

– Как скажете, Юрий Иванович.

Наступила тишина. Хирургическая бригада: Андрей Князев, Инна, Оксана Савельева и Света – попрощались со всеми и ушли. Анис Хатыпович тоже ушел.

– Хочу я сказать одну вещь, – прервал тишину Юрий Иванович. – Шеф, он, как видишь, грустит. А ты, Оксанка, со своим незадачным вопросом на его нервы давишь, как немой укор сидишь. Задавай вопрос-то, чтобы я потом шефу очень важные вещи сказал!

Оксана Вакула

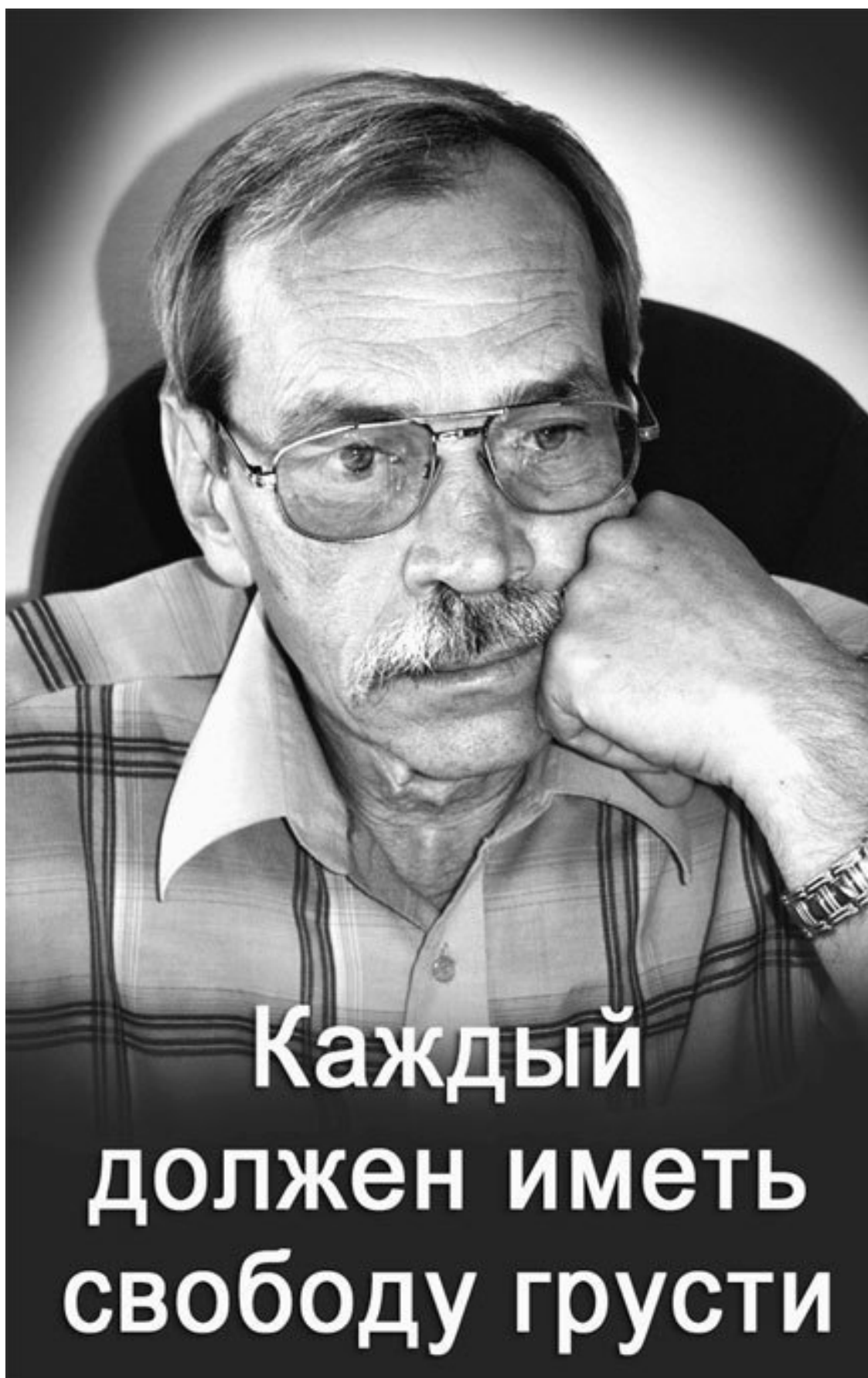
– У меня, Эрнст Рифгатович, два вопроса. – Оксана покосилась на Юрия Ивановича. – Я принесла на утверждение макеты посуды для больных – тарелок, чашек, супниц, салатниц и

всего прочего с нашей фирменной надписью «Аллоплант», чтобы заказать их на фарфоровой фабрике. Причем мы с сестрой-хозяйкой Ларисой Матвеевной решили, что надо заказывать 300 тарелок на 100 больных – все равно их из-за фирменной надписи на память о нашем Центре на сувениры разберут.

– Не ко времени, – декларативно заявил Юрий Иванович.

– Ну, Юрий Иванович, – взмолилась Оксана, – посуда – это тоже серьезно! Это ведь культура!

– Ну давай. Только короче! – разрешил Юрий Иванович.

Мы рассмотрели все варианты посуды, что-то утвердили, что-то нет, после чего Оксана задала мне второй вопрос:

– Тут один молодой журналист звонил. Он хотел бы написать статью в центральную газету, в связи с чем хотел бы взять у вас, Эрнст Рифгатович, интервью как у исследователя загадок древности. Он был по турпутевке в Египте и очень удивился тому, что там на всех монументах древности изображены люди с головами животных, птиц и пресмыкающихся.

– Ну, Оксана! – взмолился я. – Ну что я сейчас могу сказать ему о людях с головами животных и птиц? Да, я не раз был в Египте, и этот вопрос меня тоже чрезвычайно интересует, но я пока не готов на него ответить. Откажи, короче, ему.

– Шеф! Как ты знаешь, я тоже не раз бывал в Египте... ой... в Египте, – вмешался в разговор Юрий Иванович. – И скажу тебе честно, шеф, что люди с головами всяких там тварей на меня впечатление произвели большее, чем даже пирамиды. Магическое впечатление произвели они на меня, эти... м-м... твареголовые люди. Я даже, шеф, начал думать о том, какую бы голову на себя примерить.

– И какую бы...?

– Лично мне больше всего понравилась голова... – Юрий Иванович задумался, – птицы этой... с клювом...

– Сокола что ли? – спросила Оксана.

– Да нет, – отмахнулся Юрий Иванович, – другой птицы... как там ее... А-а, вспомнил – чибиса!

– Какого такого чибиса?! – вытаращила глаза Оксана.

– Чибиса, – неуверенно кивнул Юрий Иванович.

– Ибиса, наверное?! – воскликнула Оксана.

– Ну, – засмутился Юрий Иванович, – какая разница – чибис или ибис.

Все громко захохотали, а потом кто-то вспомнил старую песню про чибиса, которую все стали петь хором:

У дороги чибис,
У дороги чибис,
Он кричит, волнуется чуждак,
Ах, скажите – чьи вы,
Ах, скажите – чьи вы?
И зачем, зачем
Идете вы сюда?

Я посмотрел на смеющуюся Оксану. Эта украинская женщина имела одну душевную особенность, которую можно назвать благородной покорностью.

Благородная покорность

Я, наблюдая за ней в течение нескольких лет, даже стал анализировать это невесть откуда появившееся понятие и пришел к выводу, что покорность, обычно присущая мусульманским женщинам, превращается в действенную силу, если приобретает благородный оттенок. Например, когда муж говорит важно «Та-та-та-та-та!», то покорные женщины склонны отвечать с дрожью в голосе «Да-да-да-да-да». И только некоторые женщины умеют достойно сказать лишь один раз «Да», покорно потупив при этом взгляд. В этот момент тебе, произнесшему тираду «Та-та-та-та-та!», очень хочется почему-то добавить к этому еще и слово «пожалуйста»... акцентируясь на последнем слове.

Но тебе (произнесшему «Та-та-та-та-та-та!») даже и невдомек, что благородная покорность есть сила, мощная душевная сила, которая способна мобилизовать какой-то неведомый пласт энергий, лежащий под толстым пластом энергий, называемых «Власть», но который может противодействовать Власти, а вернее может... облагородить ее, Власть, погасив в ней визжащие или оголтелые нотки, которые, наверное, и приводят к тому состоянию властимущего, когда появляются «отцы всех времен и народов», «любимые фюреры», «солнце нации» и тому подобные. И, наверное, можно сказать, что возможно и не появились бы «отцы», «любимые фюреры» и «солнца», если бы на их пути встретились женщины с благородной покорностью, которые бы одним движением брови могли бы потушить растущее в тебе властолюбие и призвать к тому, что ты и другим людям будешь говорить слово «пожалуйста».

Женщины - Учителя Благородства

**Недоработкой женщин
можно назвать появление
властолюбивых**

Благородно-покорными бывают, на мой взгляд, и мужчины, но в подавляющем большинстве сила благородной покорности дарована женщинам, давая именно им, женщинам, власть над Властью. Поэтому хочется посоветовать всем женщинам следующее: никогда не говорите раболепно «Да-да-да-да-да», а произносите только один раз с достоинством слово «Да», красиво опустив при этом ресницы и чуть-чуть мысленно укоряя «приказывающего»... с профилактической целью, чтобы он, приказывающий, задумывался над своими приказами и не заимел привычку лепить всякую чушь и требовать в ответ раболепное «Да-да-да-да-да».

О, какая сила заложена в женщинах! Они, женщины, – Учителя Благородства! Недоработкой женщин можно назвать появление властолюбивых мужчин-идиотов!

Э. М.: Я, кстати, много раз пытался быть благородно покорным, но у меня ничего не получалось. Видимо, это женская доля.

Юрий Иванович Васильев:

– Только Израиль, где евреи со всего мира кучкуются, является треугольной страной... да и то с погрешностями.

Треугольный Израиль

– Хм-хм, – закричал Юрий Иванович. – Хочу я тебе, шеф, рассказать про некоторые свои наблюдения. Не вопросы задавать тебе, да сразу по два, как Оксана, а о наблюдениях своих поведать. Закуривай, давай! С курящим легче говорить!

– Закуриваю, – проявил я покорность.

– Но вначале у меня претензия к тебе есть, шеф!

– Какая?

– А чо ты не спрашиваешь, чо я на глобусе-то надыбал?

– Извини, Юрий Иванович, – засмутился я, – Расскажи.

– Ты, шеф, хорошо знаешь, – начал рассказывать Юрий Иванович, – что мы живем в трехмерном мире. Поэтому главной фигурой в нашем мире является, как ты понимаешь, треугольник. Но народы мира по причине своей приземленности этого не знают и поэтому даже и не задумываются над формами своих стран на карте или глобусе. Какими-то безобразными абракадабрами кажутся формы стран, будь то Россия, будь то Германия, будь то Япония... а Италия вообще на дырявый сапог похожа.

– Почему дырявый? – перебил я его.

– Так мне кажется, – кинул Юрий Иванович.

– Ну и к чему это?

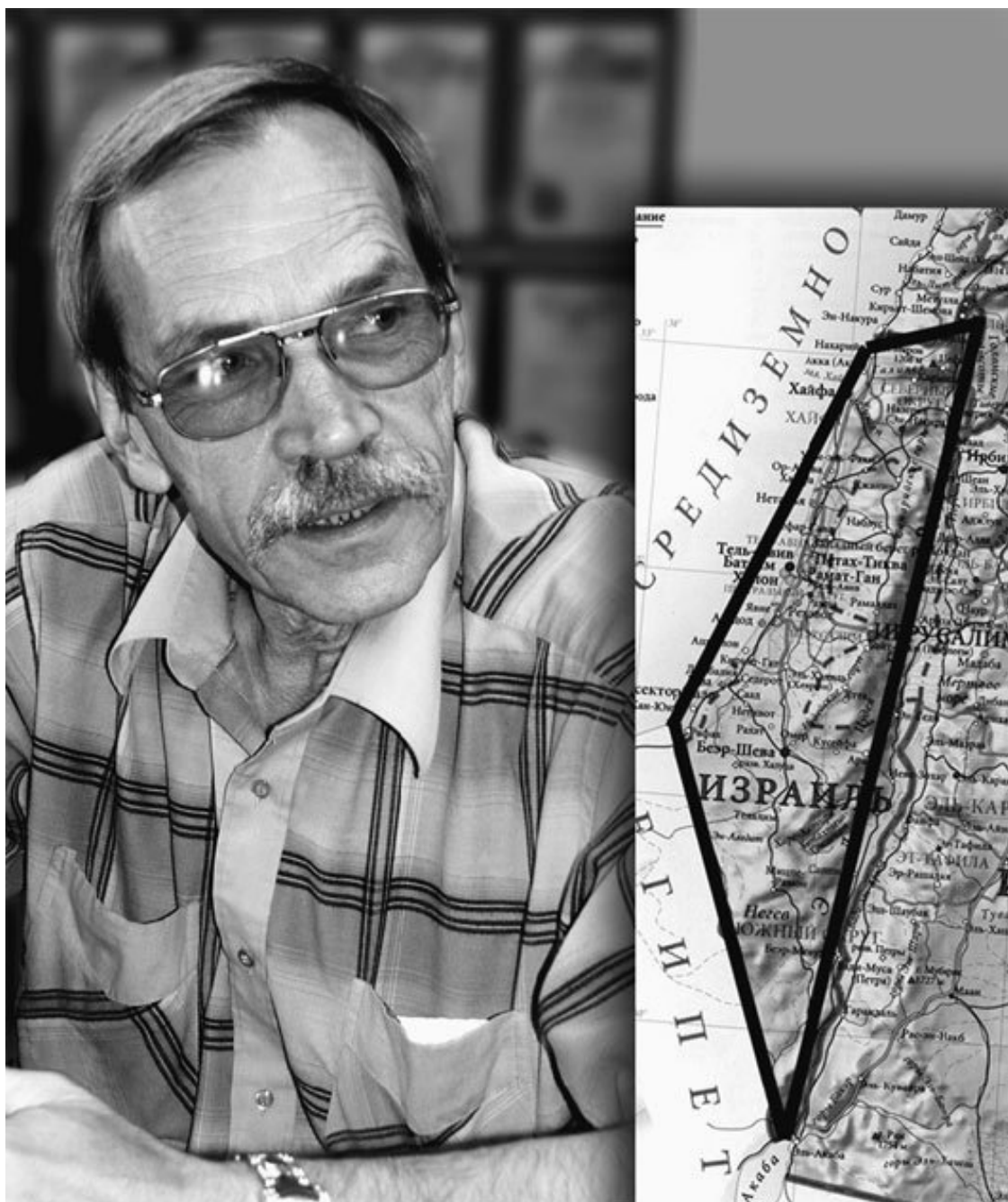
– А к тому, что только одна нация в мире треугольную форму своей страны выбрала... да и то не совсем треугольную, а с погрешностями. И знаешь, какая это страна, шеф?

– Какая?

– Только Израиль, где евреи со всего мира кучкуются, является треугольной страной. И знаешь почему?

– Почему?

– Да потому, – Юрий Иванович затянулся сигаретой, – что только евреи мудрость древности не потеряли, в то время как все остальные нации расхлябались до такой степени, что даже границы своих стран расхлябанными на карте мира вывели.

Юрий Иванович Васильев: – Только Израиль, где евреи со всего мира кучкуются, является треугольной страной... да и то с погрешностями

– М-да, – прокряхтел я.

– Евреи, – продолжал Юрий Иванович, – хоть одну сторону своей страны треугольной сделали, чтобы свою приверженность трехмерному миру перед Богом показать, куда их, евреев-то, Бог и заслал. Покорность они показали перед Богом в этом вопросе, опередив каких-то там канадцев или... нас, например. Богу-то с космоса лучше видно, – согласен ли человек жить в том мире, куда его Бог послал, или брыкается... как, эти самые, канадцы, у которых территории до хрена, а ума ни хрена.

– Ну, Юрий Иванович! Так уже нельзя говорить про канадцев-то, – возразил я.

– Я то же самое могу сказать про нас – россиян, – Юрий Иванович сделал паузу. – Суть ведь не в нации, а в приверженности к Богу. Могли бы, вообще-то, все страны в трехмерном мире треугольными быть. Ан нет!

– Почему так?

– Да потому, что все стремятся из треугольника выйти и в четырехугольник переместиться, потому что четырехугольник – это символ более высокого четырехмерного мира. Скажу я тебе, шеф, что все страны на распутье сейчас находятся, поэтому в бардак превратили границы своих стран.

– А евреи?

– Евреи, шеф, – задумался Юрий Иванович, – они умнее других наций, потому что толк в покорности знают... в покорности перед Богом. Не зря ведь им, евреям-то, первым Бог пророка подкинул. И даже, когда судьба раскидала их по всему миру, то Бог не дал им, евреям-то, в ассимилят превратиться.

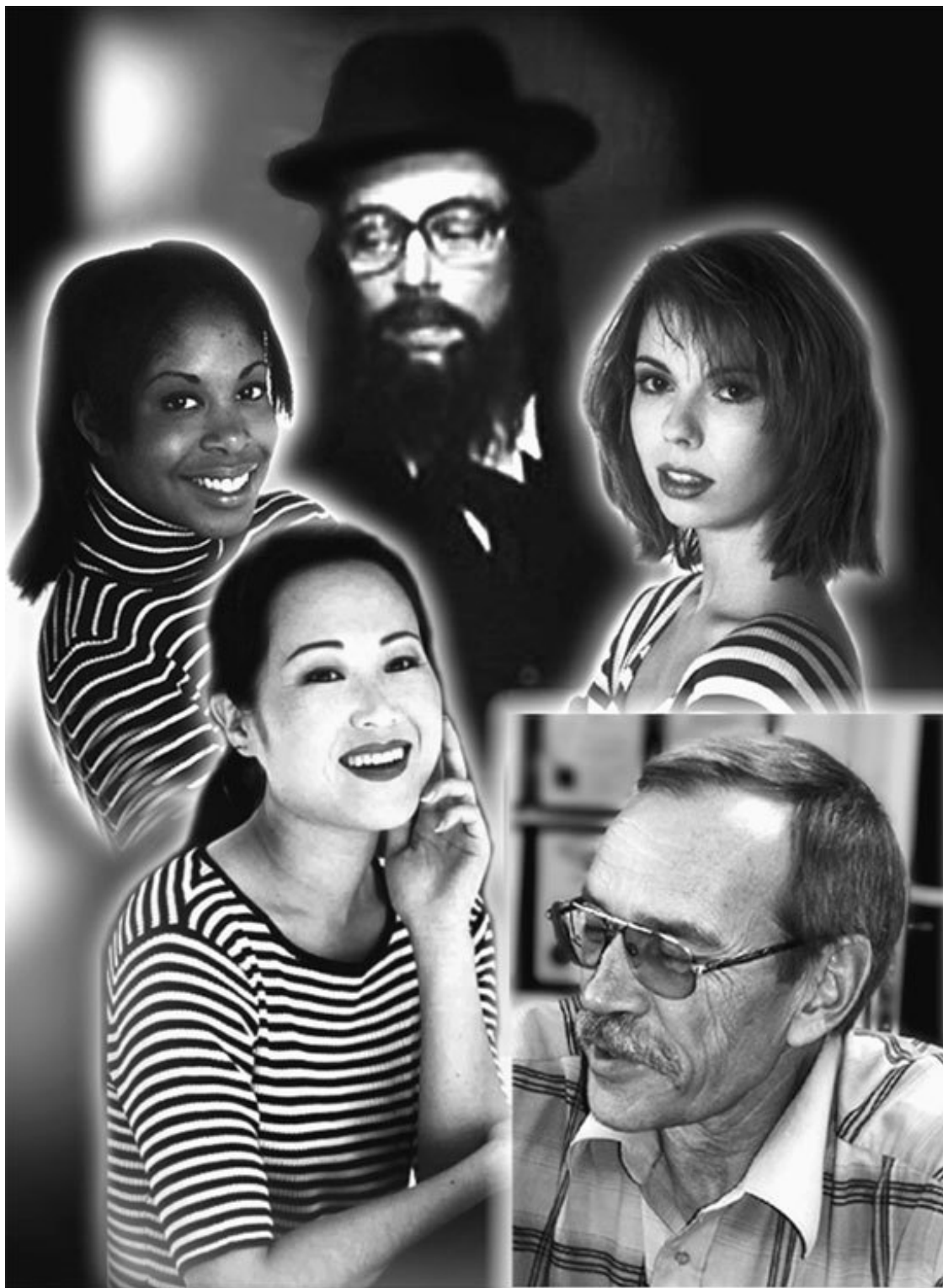
Юрий Иванович Васильев: – Они, евреи-то, умнее других наций, потому что толк в покорности Богу знают

– Во что, во что?

– В ассимилят, то есть расплыться по бабам разных наций. Еврейские мужики, сохраняя покорность перед Богом, только на еврейских женщин смотрели и смотрят, потому что от Бога знают, что нация по матери определяется, а не по отцу, склонному грешить и пить.

– М-да.

– Ой, сколько терпели еврейские мужики... сколько... – вдохновенно сказал Юрий Иванович, – аж жуть! Ведь бабы других наций тоже интересны сексуально, особенно... м-м... черненькие. Ну и... беленькие тоже ничо! А они, еврейские мужики, зову предков подчинялись и на других баб не смотрели... ни-ни. Правда, иногда посматривали втихаря и из-за этого «втихаря» появились на свете черные, сизые и... других цветов евреи. Но никто из евреев не пожелтел; еврейские мужики понимали, что, чтобы мужику нравилась китаянка, надо китайцем родиться. Трудно было им, евреям-то, я понимаю. Я бы, шеф, не выдержал! А ты?

Юрий Иванович Васильев: – О, сколько соблазна было у еврейских мужиков-то!

– М-м... Что дальше?

– А дальше, – продолжал Юрий Иванович, – Бог оценил... устойчивость евреев к другим... женщинам и решил больше не испытывать их, евреев-то, иноземными женщинами, в том числе и... м-м... черненькими. Поэтому Бог и подкинул охреневшим от счастья лидерам победивших во Второй мировой войне стран идею, что пора уже еврейское государство создавать, – испытаний накушались евреи, со всех сторон накушались, аж жуть! Вот и появился на «Земле Обетованной» клочок земли с огородную грядку величиной, где начали евреи со всего

мира кучковаться, чтобы... еврейским мужикам освободиться от соблазна на других баб-то поглядывать. Но все на этом не кончилось, а дальше...

– Что дальше, Юрий Иванович? – спросил я, поражаясь талантливому народному изложению исторических событий моим другом.

– Дальше... – Юрий Иванович почесал затылок и закурил новую сигарету. – Шеф, подкинь дровишек-то в камин! Я бы сам подкинул, но ты какие-то тонкости знаешь в поленьях, а мне каждое полено на одно лицо.

– Хорошо, Юрий Иванович, – сказал я и подкинул дров.

– Дальше... про евреев-то, – Юрий Иванович выдул дым сигареты в камин, – я могу сказать следующее. Когда кучкование евреев на клочке «Земли Обетованной» достигло предела, то они решили свою страну в сплошной город превратить, чтобы за счет мозгов жить, а не за счет земли только... ведь мозги-то тоже Бог дает. Но знаешь, чем евреи отличаются от нас с тобой?

– Чем?

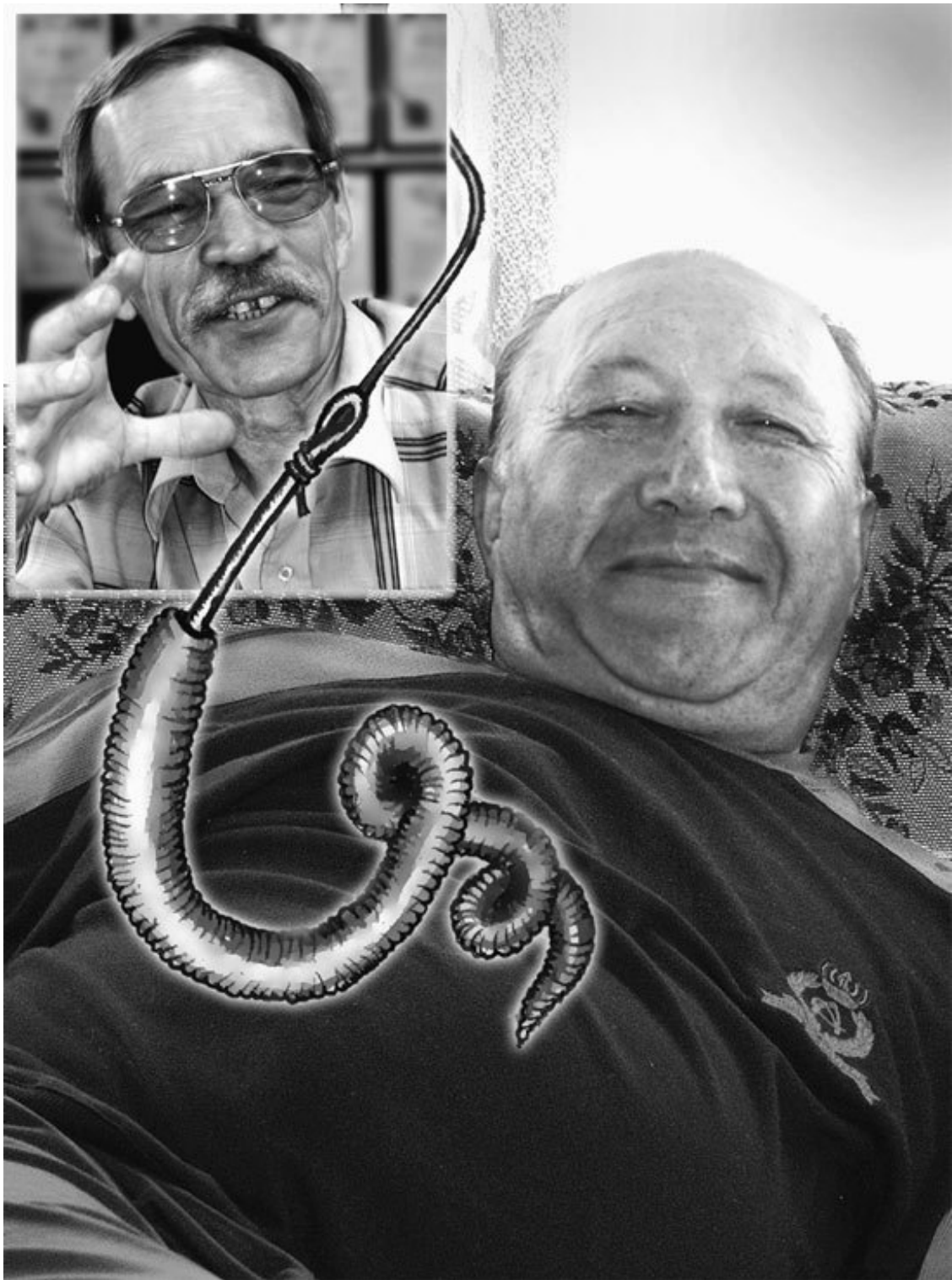
– А тем, что они о будущем думают, о детях своих, о внуках и даже... м-м... о сверхвнуках.

– Каких таких сверхвнуках?

– Ну... – замешкался Юрий Иванович, – о внуках многих-многих внуков, то есть о далеких предках...

– Не предках, а потомках, – поправил я.

– Да, да. И поэтому, думая о своих далеких потомках, евреи начали войну с Египте... с Египтом, чтобы хотя бы одну сторону своей страны треугольной сделать. И сделали ведь, а! А сделали потому, чтобы Богу свою покорность продемонстрировать и будто бы радостными казаться оттого, что тебя, еврея, как и других людей, в низовой трехмерный мир послали, где вроде бы так хорошо, так хорошо, что в другие более высокие миры и не хочется, и даже, вроде как, свою страну от радости жизни в трехмерном мире в треугольную переделать хочется. Эх, шеф, многого стоит покорность перед Богом, многого! Бог, ведь он через покорность оптимизм человеческий наблюдает, сам будучи величайшим оптимистом. Радость надо ловить всегда, даже тогда, когда тебя в следующей жизни в тело червяка засунули и даже... вроде как, весело извиваться на крючке надо, с оптимизмом извиваться. А если так делать, то...

Юрий Иванович Васильев: – Если тебя в следующей жизни в тело червяка засунут, то даже на крючке извиваться надо весело, вроде как с оптимизмом

– Что, Юрий Иванович?

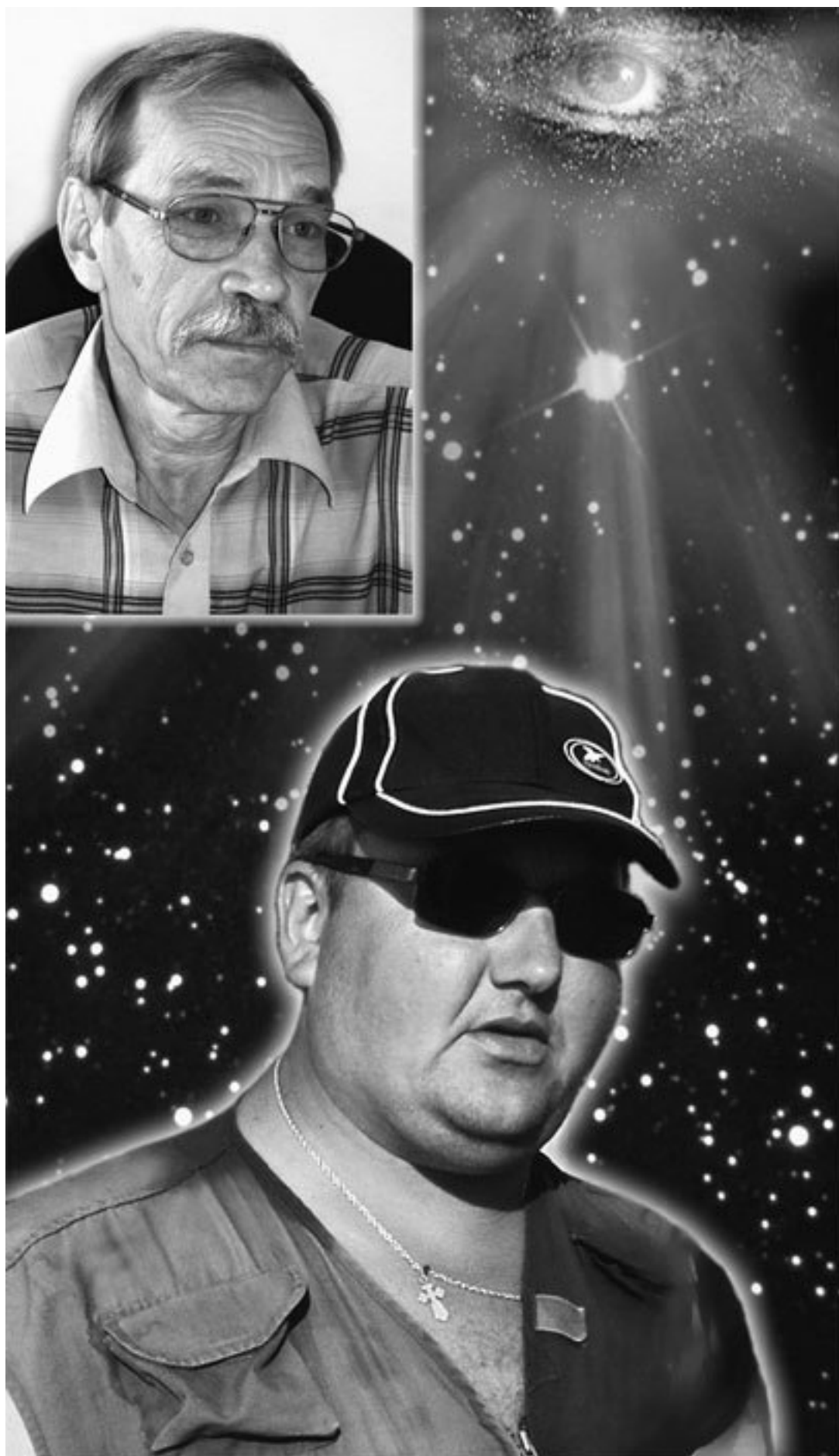
– Рано или поздно наш мир начнет переходить из третьего измерения в четвертое, в котором у нас у всех ума прибавится намного, и мы, вспоминая трехмерную жизнь, будем вспоминать беспробудную тупость. Но самыми умными и живучими в новом мире будут те люди, кому Бог первым подкинет нового четырехмерного пророка, который будет учить людей уму-разуму в новом более «умном» мире. А кому он подкинет нового пророка-то?

– Кому?

– Евреям, – убежденно кивнул Юрий Иванович. – А сделает это Бог потому, что треугольную покорность евреев учтет при жизни в трехмерном мире, когда они даже маленькую страну треугольной постарались сделать. А ведь... скажу тебе честно, шеф, скажу...

– Что?

– Быть покорным Богу очень важно, очень! – Лицо Юрия Ивановича стало серьезным. – Богу виднее, что с тобой, дураком, делать! Не надо забывать, что ты – человек – перед Богом просто дурак, сущий дурак! И не надо пыряться и из себя Бога корчить. Вот так вот!

Юрий Иванович Васильев: – Не надо забывать, что ты, человек, перед Богом просто дурак. И не надо пыркаться из себя Бога корчить!

– Да уж, – промычал я.

– А ведь люди на Земле до такой степени из себя Богов корчат, что даже предметы в школах и институтах преподают так, что какую-то мало-мальскую разгадку тайны божественного созидания или всего лишь констатацию какого-то фактика за огромное открытие выдают и превозносят ученого, описавшего этот фактик, чуть ли не как Бога, который все это создал, но ни слова не говорят о том, что этот ученый – всего лишь наблюдательный описыватель.

– Кто, кто?

– Описыватель, – четко проговорил Юрий Иванович, – ты, шеф, неправильно понял... от слова описывать.

– М-да.

– И вообще, склонны люди приписывать себе все, созданное Богом, склонны! Ох, и страсть у людей себя за Бога посчитать!

– Да уж, Юрий Иванович, – промолвил я.

Четыре стороны пирамиды

Я на мгновение задумался, а потом сказал:

– У меня, Юрий Иванович, мысли что-то вокруг пирамид вертятся. И особенно любопытно мне почему-то то, что каждая пирамида из четырех треугольников состоит.

Юрий Иванович встал, взял с полки маленькую янтарную пирамидку, подаренную мне Ольгой Ишмитовой, и как-то уютно, по-детски посчитал ее треугольные стороны.

– Раз, два, три, четыре, – проговорил он. – Четыре получается.

– Раз, два, три, четыре, – посчитал Юрий Иванович Васильев

– Помнишь, Юрий Иванович, – продолжал я, – мысль у меня как-то появилась о том, что тело человека из четырех тел состоит...?

– Да и прозраченькая... австриячка... поговаривала, зараза такая, о том, что в три других мира у нее зрение открылось, когда она наше материальное зрение потеряла. Может быть, шеф, каждое наше тело свое зрение имеет, а? У нее ведь, у прозраченькой-то, три зрения

открылось, а было еще одно – материальное. Четыре зрения, что ли... с четырьмя телами сопряженные?! – растерялся Юрий Иванович.

– Сумбур какой-то в голове, Юрий Иванович, – отмахнулся я и закурил. – Но пирамиды созданы, мне кажется, неспроста, ой, неспроста...

– ???

– А потому, что любая пирамида является... является... – Я опустил голову. – Мне кажется... мне кажется...

– Что?

– Мне кажется, что любая пирамида есть геном... или ген... но четверной ген, созданный одновременно для четырех тел, – неожиданно для самого себя выпалил я.

– Мне кажется, что любая пирамида есть геном... или ген... но четверной ген

– Почему...?

– Не знаю, Юрий Иванович.

– Давай, шеф, еще по рюмке дернем, а? – неожиданно предложил Юрий Иванович.

– Давай.

Мы выпили по рюмке, после чего Юрий Иванович смачно выдохнул и выдавил из себя:

– Да, пирамиды – это Загадка Веков!

– И не зря они строились. С какой-то грандиозной целью создавались пирамиды, – тихо проговорил я.

– Шеф, закусывай! Оливка неплохая, аж ластится на зубах, – сказал Юрий Иванович, причмокивая.

– Не хочется что-то... Кстати, вот что я думаю... Я ведь, Юрий Иванович, был в Городе Богов, который состоит из огромного числа невероятных по размеру пирамид и пирамидоподобных конструкций, – начал распаляться я. – Для чего они сделаны? Для чего? Для чего существует Город, состоящий из пирамид? Какова цель строительства этого колоссального комплекса? Ведь Великая пирамида Хеопса кажется карликом на фоне основных пирамид Города Богов! Какая-то грандиозная цель была заложена в строительство пирамид Города Богов! Но какая? Какая?

– Не знаю, – пролепетал Юрий Иванович.

– И я не знаю, – грустно проговорил я. – И скажу я тебе честно, Юрий Иванович, чувствую, что никогда не буду знать предназначения Города Богов, предназначения этого чудесного поднебесного тибетского Города, которому поклоняются паломники, и загадку которого хотел разгадать великий Николай Рерих. Но я видел Город Богов, Юрий Иванович, видел!!! Понимаешь, видел!!! Воочию видел!!! Но что это?! Что я видел?! Так хочется знать!

– Шеф, не расстраивайся, предки... ой... потомки разгадают.

– Да ведь хочется знать сейчас!

Мы оба замолчали. А через минуту я прервал молчание и тихо произнес:

– Все та же интуитивная мысль не дает мне покоя, Юрий Иванович.

– Какая?

– Мне все кажется, что любая пирамида – это геном или... матрица...

– М... м... м...

– Странно это, – лишь промямлил я.

Мы снова замолчали.

Сколько цветов у радуги?

– Кстати, о Городе Богов! Был у меня тут один чуваш из поселка Туймазы, – прервал молчание Юрий Иванович. – Чуваш как чуваш. Красенький такой. Даже с розоватым оттенком. Кстати, шеф, если красный цвет с розовым соединить, то какой цвет получается?

– Не знаю.

– Я тоже не знаю.

– А что ты, Юрий Иванович, о цветах-то заговорил?

– Да так.

– Ну и что твой чуваш-то говорил?

– Сейчас... Ты меня, шеф, с цветами перебил...

– Это, Юрий Иванович, ты вроде как на цветах заикнулся.

– Скажи мне, шеф, сколько цветов у радуги?

– М-м... – «Каждый Охотник Желает Знать Где Сидит Фазан», – стал загибать я пальцы. – Семь получается: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый.

– Семь значит, – Юрий Иванович хмыкнул. – А не пять?

– Семь.

– А не пять? – Юрий Иванович кинул на меня хитрый взгляд.

– Ну, вроде как...

– А я думаю, что пять. – Глаза Юрия Ивановича заблестели.

– Почему?

– Сколько первичных элементов в мире-то, шеф? Сколько, а?

– Пять: огонь, ветер, вода, земля и... некий пятый элемент, – ответил я.

– А цветов-то почему семь?

– К чему ты клонишь, не пойму?

– Голубой и фиолетовый цвета – это надуманные цвета, об заклад быюсь! – весомо заявил Юрий Иванович. – Мне кажется, что эти два цвета голубые придумали. Есть только синий цвет.

– Ну, – улыбнулся я, – голубой цвет понятно, а при чем тут фиолетовый?

– Ну, – в свою очередь загадочно улыбнулся Юрий Иванович, – фиолетовый цвет – это концентрированный голубой цвет... с легкой розовинкой. Поэтому уж очень активные в этом... голубом... смысле... фиолетовыми являются.

– М-да.

– Шеф! – Юрий Иванович посмотрел мне прямо в глаза. – Все в этом мире исходит от пяти элементов! Тех самых: огонь, вода, ветер, земля и пятый элемент. Все! Цвета в том числе! Об заклад быюсь! Чую я это.

Все в этом мире исходит от пяти элементов! Цвета в том числе!

Слушая «колористические» рассуждения Юрия Ивановича, я задумался. К этому времени я уже сделал первую в мире трансплантацию глаза и видел, что «новый глаз» пациентки Тамары Горбачевой вдруг на пятый день после операции засветился ярко-красным цветом, далее он стал светиться оранжевым цветом, далее – ярко-желтым, далее – зеленым... Я, конечно же, ничего не понимал и очень волновался, видя чудо перед собой – «новый глаз» светился цветами радуги. Я, конечно же, старался осмыслить происходящее, но мысли мои тушились эмоциями, и я чувствовал себя полным болваном. И, естественно, я не обращал никакого внимания на оттенки цветов, – какое уж там отметить оттенки синего цвета – голубой он или фиолетовый.

О, как многого я не знал тогда! Я и представления не имел о том, что такое Тхикле – великое и могучее Тхикле, активация которого может вершить чудеса в организме, потому что... потому что все в этом мире состоит из четырех тел, и только Тхикле способно объединить их и призвать любое из четырех тел на помощь другому телу. Я не знал тогда, что по невидимым сосудам Тхикле течет великая Энергия Пяти Элементов, которая... которая иногда проявляется и в нашем материальном мире в виде... ореола, состоящего из пяти цветов.

Я помотал головой, отгоняя воспоминания, и спросил у Юрия Ивановича:

- А причем тут цвета и чуваш?
- Да ни при чем, – ответил он.
- А что ты о цветах начал говорить-то?
- Да так. К слову пришлось.

Что рассказал Юрию Ивановичу чувашский исследователь

– Ну, так что рассказал чувашский исследователь?

– Он, между прочим, серьезный человек, хоть и из деревни. Кстати, шеф, в деревне самородков-то больше, чем в городе! – отметил Юрий Иванович.

– И все-таки, что он рассказал?

– Оказывается, в чувашском языке есть слово «кайлас», что означает место, откуда... что-то вышло. Об заклад быюсь, что из Города Богов, который вокруг Кайласа располагается, что-то вышло! Еще раз повторяю, шеф, что-то вышло! Но что?

– Человек, наверное, – тихо проговорил я.

Юрий Иванович промолчал.

– А еще чуваш говорил, что у них в чувашском языке, – прервал молчание Юрий Иванович, – есть слово «вара»...

– Вара? – Я пристально посмотрел на Юрия Ивановича. – Это слово, как ты знаешь, означает место, где во время Всемирного Потопа были сохранены «семена» всего живого на Земле.

– Да, знаю я это. А вот с чувашского языка слово «вара» переводится как «семя».

– Интересно...

– А еще чуваш говорил, что у них есть слово «сенеар», которое переводится как «новый человек».

– М-м...

– Ты ведь, шеф, конкретно «нового человека» не описывал, но везде, то тут, то там, загадочно так приговаривал – «новый человек», «новый человек»... Вот чувашский самородок и подхватил твою недоговоренную мысль и нашел в древнем чувашском языке отдельное слово, что означает «новый человек». В этом что-то, наверное, есть, шеф... может, древние чуваша знали о том, что уже существуют «новые люди». Как думаешь-то?

– Не могу ничего сказать, Юрий Иванович. Я вообще с большой осторожностью отношусь к исследованиям, в которых анализируются разные языки и из этого делаются глобальные выводы. Ведь дошли до того, что «доказали», что английский язык произошел от башкирского! Ведь даже на научных форумах начали говорить о том, что название одного ручейка Азгарда – есть свидетельство того, что подземное царство Агарты (или Шамбала), по-немецки называемое Азгард, находится именно в Башкирии, в том районе, где протекает этот ручеек... и даже выдвинули предположение о том, что Гитлер стремился на Восток потому, что хотел достигнуть ручейка «Азгарда», в районе которого он, возможно, нашел бы гипербореев, которые научили бы его, Гитлера, технологиям использования психической энергии, чтобы стать непобедимым! А если вспомнить подобные рассказы мексиканцев, арабов, итальянцев, якутов, чукчей... то можно сделать заключение, что любая нация желает считать себя прародителем всего человечества, хотя... хотя истоки человечества, наверное, все же лежат на Тибете, где и находится Город Богов. Да и языки имеют общий корень, наверное... тибетский корень!

Все языки мира, видимо, имеют общий корень... тибетский корень

Э. М.: Совсем недавно я возвратился из страны Македонии. Там тоже переведены мои книги. Македонцы упрямо доказывали мне, что... человечество произошло от них.

– Ты, возможно, прав, – прокрихтел Юрий Иванович.

– Может быть, мы пойдем домой? – раздался голос одной из моих секретарей-референтов.

– Идите, конечно, – ответил я.

Два раза по четыре

Когда секретари пошли одеваться, Юрий Иванович сказал:

– Хороших четверых лошадок ты подобрал!

– Каких таких лошадок?

– Ну, они у тебя, секретари-то, ведь как лошади пашут. У тебя ведь, шеф, стиль работы изматывающий. Ты это хоть понимаешь или нет?

– Понимаю, вроде как.

– Ты ведь не сидишь как нормальный начальник у себя за столом, ты больше у камина тусуешься, а оттуда, подогревшись на огне, распоряжения одно за другим отдаешь своим референтам. А они из кожи вон лезут, и со всеми людьми нашего центра, с больными или с кем-то еще так важно говорят, так важно, что будто бы именно они начальницы в этом центре, а не ты, который имеет привычку голову в камин совать и хирургический чепчик сажей вымазывать.

– М-да.

– Если бы ты, шеф, сидел как нормальный начальник за столом, – продолжал Юрий Иванович, – и иногда входящего к тебе человека чашкой чая в граненом стакане облагораживал, то тебе бы и одной секретарши, даже тупой, хватило бы. Она бы, секретарша эта... тупая конечно, тогда бы только один вопрос решала – пущать к телу, то бишь к тебе, или не пущать. А ты ведь, шеф, так не можешь! Тебя, ведь, шеф, все к огоньку тянет.

– Да уж.

За столом в моем кабинете

– И чо ты, шеф, каждого входящего к себе не просто чай пить сажаешь, а заставляешь его кушать, водку предлагаешь?! Гостеприимство – это, конечно, хорошо, но ведь какой расход идет, а!

– От мамы моей это, Юрий Иванович! Мама моя была не просто светлым и добрым человеком, она, почему-то, считала, что каждый человек голоден. Крепко вошла в меня мамина привычка, – мне всегда хочется каждого человека накормить! А если я не покормлю, то сво-лочно себя чувствую, – азартно выпалил я.

– Да знаю я это, знаю, – отмахнулся Юрий Иванович. – Но ты представляешь, сколько работы у твоих секретарш при твоей страсти к кормежке людей?! Они ведь, бедненькие, одной рукой телефонную трубку держат и важно в нее говорят, другой рукой тарелки моют, чтобы ее перед новым... м-м... «голодным» поставить. А ты еще и добавляешь, чтобы ножи подать не забыли, к культуре, как при Петре Первом, приучаешь.

– Да уж.

– Но, в принципе, всем такой стиль руководства в центре нравится: а чо, – пришел, сел за стол, пожрал, попил, дождался очереди, пока ты, шеф, не закончишь разговор с кем-то у камина, потом сам подсел к камину, поговорил с тобой о делах, подписал у тебя финансовые бумаги на обсыпанной пеплом каминной полке и пошел к себе, сытенький и довольненький, – продекларировал Юрий Иванович.

– М-да.

– В общем, молодцы у тебя секретарши... референтки-то. И при твоём стиле работы, шеф, их как раз четыре и нужно. Меньше нельзя. Не успеют.

– Так уж у меня получилось, – проговорил я, анализируя свой «неестественный» стиль работы.

– А сколько человек у тебя в хирургической бригаде, шеф? – задал вопрос Юрий Иванович.

– Четыре, – ответил я.

– Секретарей четыре и в хирургической бригаде четыре. Два раза по четыре получается! Неспроста это, неспроста.

– Так уж получилось.

– Но ты ведь, шеф, – Юрий Иванович пристально посмотрел на меня, – мозгами плохо думаешь...

– М-м...

– Ты ведь, шеф, интуицию только свою слушаешь. Тебя логикой не пронять, тебе шепот чувств требуется.

– Да уж.

– Так вот, интуиция тебе и нашептала, что и в обыденной работе надо закон четверки использовать.

Два раза по четыре

– Какой такой закон четверки?

– А тот закон, который все мироздание охватывает. Посмотри! О скольких телах в человеке мы говорили? О четырех. О скольких мирах шла речь во время бреда этой самой... прозраченькой? О четырех. И так далее. И ты, шеф, нутром чуя закон четверки, интуитивно решил...

– Что?!

– Использовать этот закон в жизни. Именно поэтому ты, шеф, решил завести четыре секретарши-референтши и создать хирургическую бригаду из четырех человек. Два раза по четыре получается.

– Ну и что?

– Ты закон четверки интуитивно учел, причем два раза учел... интуитивно, конечно.

– М-да.

Мои секретари зашли попрощаться до завтра, и мы с Юрием Ивановичем остались вдвоем.

Загадка бродит вокруг нас

Я подкинул дров в камин. Мы замолчали.

Я чувствовал, что какая-то загадка бродит вокруг, грандиозная загадка. Я понимал, что тибетская экспедиция принесла сенсационный результат, – нам удалось найти легендарный Город Богов, сфотографировать и описать его. Но мы не поняли его предназначения, мы даже чуть-чуть не смогли осознать то, – для чего древние в этом месте земного шара построили невероятный по своему масштабу комплекс удивительных пирамид, монументов и зеркал времени.

Честно говоря, сопоставление многих легенд, рассказов лам и наших наблюдений подвело нас к неким умозаключениям, которые вертелись вокруг того, что после Всемирного Потопа человечество было воссоздано здесь – в поднебесном Тибете, а именно в районе Города Богов. Но как? Как воссоздавалось человечество?

В принципе ответить на этот вопрос мы уже могли, с той или иной степенью достоверности предполагая, что до Потопа «семена всего живого на Земле» были и в самом деле снесены в Вара,³ где они хранились до тех пор, пока условия на постпотопной земле не изменились в лучшую сторону, и не появилась возможность для клонирования из этих «семян» людей, способных жить в изменившихся условиях Земли. Великая Шамбала выполнила эту работу, в результате чего... появились мы с вами, красивые и некрасивые, добрые и злые, романтические и прагматичные...

Думая на эту тему, я понимал, что в исторических исследованиях, особенно там, где предмет исследований касается глубочайшей древности, не может быть абсолютно достоверных фактов и только косвенные сведения и даже очень и очень косвенные сведения могут служить чем-то вроде фактов, по которым можно воспроизвести... хоть в той или иной степени воспроизвести... хоть чуть-чуть воспроизвести столь интересную для нас глубочайшую древность, и хоть в той или иной степени... хоть чуть-чуть... ответить на вопрос – кто мы? Ведь мы, люди, не Боги, и мы не можем заглянуть в прошлое через мощный барьер нашего сознания, которое защищает нас, детей божьих, от того, чтобы мы не стали слишком прозорливыми и умными и не свихнулись от нахлынувшего на нас ума, идущего от самого Бога. Быть туповатым приятнее: сидишь себе на земле, ловишь рыбу, например, и считаешь себя почти Богом, когда насаживаешь червя на крючок, и даже не задумываешься над тем, что этот извивающийся от боли и страха червяк был в прошлой жизни жадным богатеем, а ты, насаживающий червяка, был все-таки приличным человеком... поэтому именно ты насаживаешь его... в этой жизни... на крючок.

Пусть не точно, пусть кое-как, пусть хоть чуть-чуть, пусть предположительно, но нам все же удалось прорисовать некоторые штрихи в картине постпотопного созидания человека на Тибете, в Городе Богов. Но один вопрос, причем очень важный вопрос, оставался открытым. А был он таким – для чего была произведена колоссальная работа по строительству огромного числа пирамид, монументов и зеркал времени в Городе Богов, ведь основные работы по клонированию постпотопного человека шли, по нашей гипотезе, под землей, в Шамбале?

Короче говоря, присутствие в этом месте пирамид, монументов и зеркал времени никак не укладывалось в нашу гипотезу.

– Почему, почему, почему? – часто спрашивал я сам себя.

Невозможность ответить на этот вопрос мучила меня. В душе моей скрежетало, и я, стараясь найти ответ, часто подсаживался к огню, чтобы был лучше слышен шепот интуиции.

---

³ По Е. Блаватской.

Но интуиция шептала только одно – непонятное одно – «новый человек», «новый человек», «новый человек»...

Что-то порой всколыхивалось внутри, и я даже начинал вычерчивать логические цепочки, отслеживая, например, линию апокалипсисов на Земле, но... какой-то звонок или какой-то занудный голос входящего в мой кабинет человека: «О, Эрнст, ты, я вижу, отдыхаешь!» – уводил меня от начинающей проследиваться логической цепочки, возвратиться к которой потом было так трудно, так трудно!

Я, естественно, не мирился со всем этим и долбил, долбил и долбил своими мозгами то, что можно было назвать «не знаю что».

Но вскоре мое возбужденное подсознание подкинуло мне вдобавок к «новому человеку» еще и невесть откуда взявшуюся мысль о том, что тело человека (да и тела всего живого на Земле) состоит из четырех тел. Я попытался найти связь между «новым человека» и «четырьмя телами», но у меня ничего не получилось.

Я чувствовал себя полностью потерянным, будучи во власти этих двух подсознательных мыслей. Но тут мое подсознание, будто бы издеваясь надо мной, подкинуло мне мысль о том, что существуют другие миры, которых в нашем родном мироздании... тоже четыре, включая наш мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.